Северо-Запад

Автор:
Зэди Смит

Северо-Запад

Зэди Смит

Литературные хиты: Коллекция

Лондон, начало века. Среди нестабильности, бедности и упадка Ли, Натали, Феликс и Натан, родившиеся в нищем районе под названием Колдвелл, пытаются отыскать свое место в жизни. Куда приведет их борьба с самими собой и с городом, который способен перемолоть даже самых сильных?

«Северо-Запад» – сложный, стилистически безупречный роман Зэди Смит, одной из важнейших английских писательниц нашего времени.

Содержит нецензурную брань!

Зэди Смит

Северо-Запад

Посвящается Келлас

Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто дворянином был тогда?

Джон Болл

Посещение

1

Жирное солнце зависает на телефонных мачтах. Антивандальная краска на воротах школы и фонарных столбах приобретает какой-то дьявольский оттенок. В Уиллздене люди ходят босиком, улицы становятся европейскими, все подвержены мании есть на улице. Она держится в тени. Рыжеволосая. По радио: «Я единственный автор словаря, в котором дается определение меня». Хорошая строка – записать ее на заднике журнала. В гамаке, в саду подвальной квартиры. Обнесенном со всех сторон забором.

Через четыре сада мрачная девица на третьем этаже кричит по-англосаксонски на никого. Балкон Джульетты растянулся на мили. Все не так. Нет, все не так. Не начинай этого. Окурок в руке. Мясистый, красный, как омар.

Я единственный[1 - В английском оригинале здесь обыгрывается омофония слова sole («единственный»), которое имеет еще значение «подошва», кроме того, по звучанию с sole совпадает и другое слово – soul («душа»).]

Я единственный автор

Я единственный автор

Карандаш не оставляет следов на страницах журнала. Где-то она читала, что от глянца – рак. Все знают, не должно быть так жарко. Сморщенный бутон и маленькие горькие яблочки. Птицы поют не те мелодии на не тех деревьях слишком рано не по сезону. Не смей начинать, черт возьми! Посмотри наверх: обгоревший живот девицы лежит на перилах. Мишель любит говорить: не каждого можно пригласить на вечеринку. Не в этом веке. Жестокое мнение – она его не разделяет. Не всё делят в браке. Желтое солнце высоко в небе. Голубой крест на белой палке, ясный, отчетливый. Что делать? Мишель на работе. Он все еще на работе.

Я

единственный

Пепел падает в сад внизу, за ним следует окурок, за ним коробка. Громче птиц, поездов и трафика. Единственный знак вменяемости: крохотное устройство в ухе. Я ему сказала, чтобы он ничего энтово себе не позволял. Где мой чек? Она мне дышит в лицо своим разговором. Свобода ебаная.

Я единственный. Я единственный. Я единственный.

Она раскрывает кулак, позволяет карандашу укатиться. Позволяет себе. Слушать больше некого, кроме этой треклятой девицы. По крайней мере, с закрытыми глазами можно увидеть что-нибудь другое. Вязкие черные крапинки. Водомерки мечутся туда-сюда. Туда-сюда. Красная река? Расплавленная река в аду. Гамак цепляется. Бумаги летят на землю. Мировые события, и собственность, и кино, и музыка лежат в траве. А еще спорт и короткие описания мертвых.

2

Звонок в дверь! Она, спотыкаясь, идет босиком по траве, оглушенная солнцем, осоловелая. Задняя дверь ведет в тесную кухоньку, выложенную яркой плиткой в соответствии со вкусом прежнего обитателя. Звонок не звонит. Он закручен.

В текстурированном стекле смутно видно тело. Неправильное сочетание пикселей, которое есть Мишель. Между ее телом и дверью – половые доски коридора, золотистые в отраженных лучах солнца. Этот коридор может вести только к чему-то хорошему. Но женщина кричит ПОЖАЛУЙСТА и плачет. Женщина молотит в переднюю дверь кулаком. Отпирая замок, она обнаруживает, что тот останавливается на половине хода, цепочка туго натягивается, и в зазор просовывается маленькая рука.

– ПОЖАЛУЙСТА… боже мой, помогите мне… пожалуйста, мисс, я здесь живу… я живу здесь, пожалуйста, боже… откройте, пожалуйста…

Грязные ногти. Размахивает счетом за газ? Счетом за телефон? Просунулась в щель, мимо цепочки, так близко, что приходится податься назад, чтобы

разглядеть то, что ей показывают. 37 Ридли-авеню – улица на углу с той, на которой живет она. Это все, что она читает. Перед ее мысленным взором мелькает Мишель, каким бы он был, находясь здесь, разглядывая прозрачное окошко конверта, проверяя достоверность. Мишель на работе. Она снимает цепочку.

Колени у незнакомки подгибаются, она падает вперед, не управляет телом. Девочка или женщина? Они одного возраста: за тридцать, под тридцать пять. Маленькое тело незнакомки сотрясают рыдания. Она рвет на себе одежду и воет. Женщина молит общество быть свидетелями. Женщина в зоне боевых действий, стоящая среди руин своего дома.

– Вы ранены?

Ее руки у нее в волосах. Ее голова бьется о дверную раму.

– Нет, не я, моя мама… мне нужна помощь. Я стучала во все эти ебаные двери… пожалуйста. Шар… меня зовут Шар. Я местная. Я живу здесь. Проверьте!

– Входите. Пожалуйста. Меня зовут Ли.

Ли предана этому району города на двух квадратных милях, как другие преданы своим семьям или своим странам. Она знает, как люди здесь говорят, знает, что «ебаный» здесь просто присловье, не имеющее смысла. Она помещает на лице выражение, обозначающее сострадание. Шар закрывает глаза, кивает. Она совершает быстрые неслышные движения ртом, разговаривает сама с собой. А Ли она говорит:

– Вы такая добрая.

Диафрагма Шар поднимается и опускается, теперь уже медленнее. Сотрясающие ее рыдания стихают.

– Спасибо, ладно? Вы такая добрая.

Маленькие ручки Шар цепляются за руки, которые ее поддерживают. Шар миниатюрная. Кожа у нее прозрачная и сухая, с пятнами псориаза на лбу и на

челюсти. Знакомое лицо. Ли много раз видела это лицо на улицах. Особенность лондонских деревень – лица без имен. Глаза запоминающиеся. Вокруг темно-карей середины – чистая белизна. Сверху и снизу. Вид алчный, готовый поглотить все, на что она смотрит. Длинные ресницы. Такой вид у детей. Ли улыбается. Ответная улыбка пуста, без признания. Улыбка обаятельно нечестная. Ли – всего лишь добрая незнакомка, которая открыла дверь и не закрыла. Она повторяет: вы такая добрая, вы такая добрая, пока нить радости, пронзающая эти слова (для Ли, конечно, радость невелика), не обрывается. Ли отрицательно качает головой. Нет, нет, нет, нет.

Ли направляет Шар на кухню. Большие руки – на узких плечах девушки. Она видит, как поднимаются ягодицы Шар, как натягиваются ее треники с закатанными штанинами, маленькая пушистая впадинка на спине, ярко выраженная, вспотевшая от жары. Крохотная талия открывает свой изгиб. Ли безбедренная, долговязая, как подросток. Возможно, Шар нужны деньги. Ее светло-серый спортивный костюм нечист. Позади правого колена в грязной ткани – большая дыра. Из разваливающихся шлепанцев торчат грязные пятки. От нее пахнет.

– Инфаркт! Я спрашивала у них, умирает ли она. Она умирает? Она умирает? Ее увозит «Скорая» – а я не получаю ответа. Никакого! У меня трое детишек одни там дома – я должна в больницу – чего это они говорят о машине? Нет у меня никакой машины! Я говорю, помогите мне – никто ни хера не делает, чтобы мне помочь.

Ли хватает Шар за руку, усаживает ее на стул у кухонного стола и передает сверток салфеток. Она еще раз кладет руки на плечи Шар. Их лбы чуть не соприкасаются.

– Насколько я понимаю, все в порядке? В какой больнице?

– Что-то типа… Я не записала… В Мидлсексе или… Где-то далеко. Не знаю, где толком.

Ли сжимает руки Шар.

– Слушайте, я не вожу машину… но…

Ли смотрит на часы. Без десяти пять.

– Может, подождете минут двадцать? Если я сейчас ему позвоню, он сумеет… или, может, такси…

Шар вытаскивает руки из рук Ли. Она прижимает костяшки пальцев к глазам, выдыхает полной грудью: паника прошла.

– Я должна быть там… никаких цифр… ничего… никаких денег…

Шар зубами отрывает кусочек кожи с правого большого пальца. Выступает капелька крови и сворачивается. Ли снова берет Шар за руки – теперь запястья. Вытаскивает ее пальцы изо рта.

– Может быть, Мидлсекская? Название больницы, а не места. По пути в Эктон, да?

Лицо девушки задумчивое, глуповатое. Тронутое, говорят ирландцы. Может быть, она тронутая.

– Да… может… да, нет, да, именно. Мидлсекская. Так.

Ли выпрямляется, достает телефон из заднего кармана, набирает номер.

– Я БУДУ У ВАС ЗАВТРА.

Ли кивает, а Шар продолжает, словно и не замечая, что Ли куда-то звонит.

ОТДАМ ДЕНЬГИ. ПОЛУЧУ МОЙ ЧЕК ЗАВТРА, О’КЕЙ?

Ли подносит телефон к уху, улыбается и кивает, дает свой адрес. Изображает чашку чая. Шар этого не видит. Шар смотрит на цветущую яблоню. Она отирает слезы с лица грязным рукавом. Ее пупок – плотный узел вровень с кожей живота, пуговица, вшитая в подушку дивана. Ли повторяет собственный номер.

– Порядок.

Она поворачивается к столику, берет свободной рукой чайник, чуть не роняет, потому что предполагала, что он пуст. Немного воды проливается. Она возвращает чайник на плитку и остается там, где стоит – спиной к гостье. Здесь нет места, чтобы нормально стоять или сидеть. Перед ней на длинном подоконнике, который тянется вдоль комнаты, некоторые вещи из ее жизни: фотографии, всякие безделушки, прах отца, вазы, растения, травы. В окне отражение Шар подводит маленькие голени к сиденью стула, обхватывает руками щиколотки. Волнение было менее неловким, более естественным, чем это. Эта страна не годится для того, чтобы подавать чай незнакомому человеку. Они смотрят друг на друга в стекле. Есть добрая воля. Сказать им друг другу нечего.

– Достану чашки.

Ли называет все свои действия. Она открывает шкаф. Там полно чашек; чашки на чашках, на чашках.

– Хорошее место.

Ли слишком быстро поворачивается, делает руками неуместные движения.

– Не наше… мы снимаем… наше только это… наверху две квартиры. Общий сад. Это муниципалитет, так что…

Ли разливает чай, а Шар оглядывается. Нижняя губа выпячена, голова едва заметно кивает. Она напоминает агента по торговле недвижимостью. Теперь она подходит к Ли. На что тут смотреть? Мятая фланелевая рубашка в клетку, шорты – бывшие джинсы с неровно отрезанными штанинами, ноги в веснушках, босые – нелепая фигура, может, бездельница, которая может себе это позволить. Ли складывает руки на животе.

– Мило для муниципального дома. Много спален, и всякое такое?

Губа по-прежнему оттопырена. От этого она глотает звуки. С лицом Шар что-то не так, замечает Ли, ее смущает то, что она это заметила, и она отворачивается.

– Две. Вторая – просто коробка. Мы типа используем ее, как…

Шар тем временем начинает копать совсем в другую сторону; она медленнее Ли, но она теперь здесь, они здесь вместе. Она тычет пальцем в лицо Ли.

– Постойте… вы ходили в Брейтонскую?

Она, возбужденная, опускается на стул. Вероятно, что-то не так.

– Клянусь, когда вы говорили по телефону, я думала: я вас знаю, вы ходили в Брейтонскую!

Ли усаживается на стол и называет ей даты. Шар переполнена хронологией. Она хочет знать, помнит ли Ли, когда было затоплено научное крыло, помнит ли, как Джейк Фаулер сунул голову в тиски. По отношению к этим координатам, словно это даты высадки на Луну и смерти президентов, они определяют собственное время.

– На два года раньше вас, верно? Как, вы говорите, вас зовут?

Ли борется с крышкой коробки от печенья.

– Ли. Ханвэлл.

– Ли. Вы ходили в Брейтонскую. Встречаетесь еще с кем-нибудь?

Ли называет имена с их краткими биографиями. Шар ритмично постукивает пальцами по скатерти.

– Вы долго были замужем?

Настроение в глазах Шар изменилось, их заволокли тучи страдания.

– Слишком долго.

– Хотите, чтобы я кому-нибудь позвонила? Вашему мужу?

– Не… не… он там. Не видела его два года. Он злой. Буйный. Проблемный. Много проблем. В голове и вообще. Руку мне сломал, ключицу, колено, лицо мое гребаное разбил. По правде говоря…

Дальнейшее говорится слегка в сторону, со смешком, похожим на «ик», и неразборчиво.

– Насиловал меня, и все такое… это было безумие. А, ладно.

Шар отодвигает стул и идет к задней двери. Смотрит на сад, на засушенный желтый газон.

– Я так виновата.

– Это не ваша вина! Забудьте вы об этом.

Ощущение абсурда. Ли засовывает руки в карманы. Крышка чайника начинает подпрыгивать.

– Откровенно говоря, я бы солгала, если бы сказала, что это легко. Это было трудно. Но. Все позади, понимаете? Я жива. Трое детей! Младшей семь. Так что какая-то польза от этого была, вы меня понимаете?

Ли кивает на чайник.

– Дети есть?

– Нет. Только собака, Олив. А она сейчас у моей подружки Нат. Натали Блейк. Вообще-то, в школе она была Кейша. А теперь Натали Де Анджелис. Моих лет. У нее была здоровенная прическа афро…

Ли изображает атомный гриб у себя за головой. Шар хмурится.

– Да. Самодовольная. Кокосовый орех[2 - Презрительное выражение, применяется к чернокожему, который ведет себя как белый.]. Много о себе думала.

На лице Шар появляется презрительное выражение. Ли говорит в него:

– У нее дети. Живет вон там, шикарное местечко, в парке. Теперь адвокат. Барристер. Какая между ними разница? Может, и никакой. У них двое детей. Дети любят Олив. Так собаку зовут – Олив.

Она просто произносит предложения, одно за другим, они не кончаются.

– Вообще-то, я беременна.

Шар прислоняется к стеклу двери. Закрывает один глаз, устремляет взгляд на живот Ли.

– Ой, это еще только начало. Самое. Вообще-то, я сама только сегодня утром узнала.

Вообще-то вообще-то вообще-то. Она воспринимает откровение спокойно.

– Мальчик?

– Нет, я говорю, так далеко я еще не зашла.

Ли сильно краснеет. Она говорит о деликатном, незаконченном предмете. О предмете, который она не собирается заканчивать.

– Ваш мужчина знает?

– Я делала тест сегодня утром. А потом пришли вы.

– Молитесь о девочке. Мальчики – сплошной ад.

Шар смотрит мрачным взглядом. На ее лице – сатанинская улыбка. Десна вокруг каждого зуба черна. Она подходит к Ли и прижимает ладони к ее животу.

– Дайте я потрогаю. Я разбираюсь. Как бы ни было рано. Подойдите сюда. Не бойтесь. Это как подарок. Мама у меня такая же была. Идите сюда.

Она берет Ли за руку, тащит ее вперед. Ли не противится. Шар возвращает руки на живот Ли.

– Девочка будет, точно. И еще Скорпион, бед не напасешься. Бегунья.

Ли смеется. Она чувствует, как тепло переходит с потных рук девицы на ее собственный влажный живот.

– Типа спортсменка?

– Не-а… которая убегает. Придется вам приглядывать за ней. Все время.

Руки Шар падают, скука снова заволакивает ее лицо, ребенок, уставший от игры неожиданно и окончательно. Ли видит, что мысли ее снова переворачиваются. Мозг этой девицы – настоящая лотерея. Помятые мысли вытаскиваются случайным образом. Она начинает говорить о разных вещах. Все вещи равны. Будь то Ли, или изнасилование, или скука, или инфаркт, или школа, или кто родил ребенка.

– Эта школа… такая была дрянь, но люди-то, люди, которые туда ходили… довольно многие из них потом преуспели, правда? Как Кальвин – помните Кальвина?

Ли разливает чай, энергично кивает. Она не помнит Кальвина.

– У него спортивный зал на Финчли-роуд.

Ли размешивает чай, жидкость, которую она никогда не пьет, в особенности в такую погоду. Она слишком сильно нажала на пакетик. Листики прорывают свои границы и разлетаются.

– Он им не руководит, он им владеет. Я иногда туда заглядываю. Никогда не думала, что малютка Кальвин сможет навести порядок у себя в котелке – он всегда ошивался с Джерменом, Луи и Майклом. Всегда находили приключения… я ни с кем из них не встречаюсь. Зачем мне эта драма? Иногда вижусь с Натаном Боглом. Встречалась с Томми и Джеймсом Хэвеном, но давно уже не видела. Некоторое время.

Шар продолжает говорить. Кухня наклоняется, и Ли, чтобы не упасть, упирается рукой о буфет.

– Извините, что?

Шар хмурится. Она говорит через окурок, торчащий из ее рта.

– Я спросила, могу я выпить этот чай?

Со стороны они были похожи на двух старых подруг зимним вечером, обхвативших кружки обеими ладонями. Дверь открыта, все окна открыты. Воздух застыл, не двигается. Ли берет ткань своей рубашки, отдирает ее от тела. Открывается форточка, внутрь проникает воздух. Пот, собравшийся в лужицы под обеими грудями, оставляет на материи позорный след.

– Я прежде знала… я говорю…

Ли торопится прогнать свою обманную неуверенность и заглядывает в кружку до самого ее дна, но Шар это ничуть не волнует, она постукивает по стеклу двери, говорит свое, не дожидаясь слов Ли:

– Да, в школе вы определенно выглядели иначе. Сейчас вы лучше, да? Вы были тогда сплошной энтузиазм и поджарость. Всегда.

Ли все еще сохраняла все эти качества. Изменения, вероятно, произошли с другими людьми. Или с самим временем.

– Но вы хорошо сохранились. А вы почему не на работе? Чем вы вообще занимаетесь, я не расслышала.

Шар начинает кивать, когда Ли еще не начала говорить.

– Позвонила, сказала, что болею. Не важно себя чувствовала. Работа у меня, в принципе, что-то вроде общего администрирования. На добрые дела. Мы раздаем деньги. Доходы от благотворительной лотереи, некоммерческая организация – небольшие местные учреждения в сообществе, которому нужно…

Они не слушают собственные слова. Девушка по соседству все еще на балконе, кричит. Шар трясет головой и свистит. Она смотрит на Ли взглядом соседского сочувствия.

– Глупая жирная сука.

Ли следит, как девица делает пальцами ход конем. Два этажа вверх, одно окно в сторону.

– Я там родилась.

Оттуда – сюда, путешествие более длинное, чем кажется. На секунду эта местная подробность задерживает на себе внимание Шар. Потом Шар отворачивается, стряхивает сигаретный пепел на кухонный пол, хотя дверь открыта и трава от нее в одном футе. Может быть, она неторопливая, возможно, неловкая; либо она травмирована, либо рассеянна.

– Хорошо сохранились. Правильно живете. Наверное, по пятницам много друзей собирается, клубы и всякое такое.

– Да не совсем так.

Шар выбрасывает изо рта облачко воздуха, покаянный звук, она снова и снова кивает.

– Типичная снобская, вот эта вот улица. Вы единственная меня впустили. Остальные даже бы на дом ваш не поссали, начнись тут пожар.

– Мне нужно подняться наверх. Взять деньги на такси.

Деньги у Ли в кармане. Наверху она заходит в ближайшее помещение, туалет, закрывает дверь, садится на пол и плачет. Она вытягивает ногу, сбивает рулон туалетной бумаги с насадки. Она наклоняется к рулону, подкатывает его к себе, и тут раздается звонок в дверь.

– ДВЕРЬ! ДВЕРЬ! ОТКРЫТЬ?

Ли встает, пытается смыть красноту со щек в крохотной раковине. Обнаруживает Шар в коридоре; та стоит перед полкой с книгами из колледжа, проводит пальцами по корешкам.

– Вы все это прочли?

– Ну, не то чтобы прочла. Нет сейчас времени.

Ли берет ключи с того места, где они лежат – на средней полке, – и открывает входную дверь.

Все лишено какого-либо смысла. Водитель, стоящий у калитки, подает ей непонятные знаки, показывает на другую сторону улицы и начинает идти туда. Шар идет за ним. Ли идет за ним. Ли впадает в новое смирение.

– Сколько вам нужно?

На лице Шар тень сожаления.

– Двадцатку? Тридцатки точно хватит.

Она курит без рук, выпускает дым уголком рта.

Безумная пелена цветущей вишни. В розовом коридоре появляется Мишель, он идет по улице, по другой стороне. Слишком жарко – на его лице пот. Из его сумки торчит маленькое полотенце, которое он берет с собой в такие дни. Ли поднимает палец – просьба, обращенная к нему, остановиться там, где он сейчас находится. Она показывает на Шар, хотя Шар и не видна за машиной. Мишель близорук; он прищуривается, глядя на них, останавливается, напряженно улыбается, снимает пиджак, набрасывает его на руку. Ли видит, как он пощипывает свою футболку, пытается освободиться от груза дня: множества крохотных волосков, волоски посторонних людей, светлые, каштановые.

– Это кто?

– Мой муж. Мишель.

– Женское имя.

– Французское.

– Симпатичный, правда? Чудные детишки!

Она подмигивает – карикатурно морщит пол-лица.

Она бросает сигарету и садится в машину, оставляя дверь открытой. Деньги остаются в руке Ли.

– Местный? Я его видела.

– Он работает в парикмахерской у вокзала. Он из Марселя – француз. Уже сто лет как здесь.

– Но африканец.

– По происхождению. Слушайте, может, мне поехать с вами?

Шар молчит несколько секунд. Потом выходит из машины и берет обеими руками лицо Ли.

– Вы замечательная. Мне суждено было прийти к вашей двери. Правда! Вы душевный человек. В вас есть что-то душевное.

Ли крепко сжимает маленькую руку Шар и дает себя поцеловать. Рот Шар чуть приоткрыт на щеке Ли на спаси потом закрывается на бо. Ли в ответ говорит, слова, которых никогда в жизни не произносила: благослови вас господь. Их лица разъединяются – Шар неловко пятится, поворачивается к машине. Ли с вызовом заталкивает деньги в руку Шар. Величие пережитого угрожает перерасти в банальность, в анекдот: всего тридцать фунтов, всего лишь больная мать, никакого убийства, никакого изнасилования. Ничто не переживает рассказа о себе.

– Дурацкая погода.

Шар косынкой стирает пот с лица и не смотрит на Ли.

– Приду завтра. Верну долг. Богом клянусь, да? Спасибо, правда. Вы меня сегодня спасли.

Ли пожимает плечами:

– Не, не смотрите так, клянусь… я приду, правда.

– Надеюсь, с ней все в порядке. С вашей мамой.

– Завтра, да? Спасибо.

Дверь закрывается. Машина отъезжает.

3

Это очевидно всем, кроме Ли. Ее матери это очевидно.

– Что это ты вдруг такая добрая?

– Мне казалось, что она в отчаянии. Так оно и было.

– Я была в отчаянии на Графтон-стрит, и я была в отчаянии на Бакли-роуд, мы все были в отчаянии, но мы никого не грабили.

Статическое облако вздоха. Ли вполне могла представить: вспархивает белоснежная кромка, поднимается украшенная цветами грудь. Ее мать превратилась в хорошо оперенную ирландскую сову. Все еще в Уиллздене. Уселась на насесте и сидит, сидит.

– Тридцать фунтов! Тридцать фунтов за такси до Мидлсекса. Это же не в Хитроу ехать. Если мы выкидываем деньги коту под хвост, то можешь выбросить еще немного.

– Может, еще придет.

– Скорее Христос вернется, чем она! Они здесь на уик-энды вдвоем. Я их видела – идут по дороге, нажимают кнопки звонков. Сразу их узнала. Крэк. Грязная привычка! Вижу их в наших краях каждый день, около станции. Дженни Фаулер на углу открыла одной дверь, говорит, что была обкуренная до одурения. Тридцать фунтов! Это в тебе говорит твой отец. Никто из тех, в ком течет моя кровь, не попался бы на такой идиотский крючок. Что говорит твой Майкл?

В конечном счете легче позволить «Майкл», чем услышать «Миииишел», которым можно прополоскать подозрительный рот, словно чтобы отделаться от вкуса чего-то отвратительного.

– Он говорит, что я идиотка.

– Вот тут он попал в самую точку. Его соплеменников так легко не обманешь.

Все они нигерийцы, все, даже если они французы или алжирцы, все равно нигерийцы, для Полин вся Африка – в основном Нигерия, и коварные нигерийцы владеют в Килбурне тем, что раньше принадлежало ирландцам; по крайней мере, Полин считает их нигерийцами, и они прекрасные ребята, только за ними каждую минуту нужен глаз да глаз. Ли надевает на большой палец обручальное кольцо, нажимает на него со всей силы.

– Он хочет поехать туда.

– А почему нет? Тебя в твоем собственном доме ограбила цыганка, верно?

Все переводится на понятный язык.

– Не-а. Она с субконтинента.

– Индианка – ты имеешь в виду?

– Откуда-то из того района. Во втором поколении. А по языку – чистая англичанка.

– Понятно.

– Из школы! Плачет на моем пороге!

Еще одно статическое облако.

– Иногда мне кажется, это от того, что ты одна. Будь у нас больше детей, ты могла бы больше узнать о людях, какие они на самом деле.

С чего бы Ли ни пыталась начать, Полин возвращается к этому. История повторяется: от Дублина до Килбурна, редкая протестанка, всегда готовая тронуться в путь, в другое место в те времена, когда большинство придерживалось иных религиозных убеждений. Однако старалась устроиться в больницу, как и остальные девочки. Заигрывала с парнями О’Рурков, строителями, но, имея такие каштановые волосы и тонкие черты и уже работая акушеркой, хотела чего-нибудь получше. Слишком долго ждала. В последний момент свила гнездышко с тихим вдовцом, непьющим англичанином. О’Рурки стали торговцами стройматериалами, и половина Килбурнского шоссе оказалась в их карманах. По какому поводу она позволяла себе рюмочку-другую. Слава богу, она получила другую квалификацию (радиограф)! Где бы она была, если бы не это? История, однажды выверенная, предлагавшаяся несколько раз в год, теперь возникала в каждом телефонном разговоре, включая и этот, хотя и не имела к Полин никакого отношения. Время для Полин сжимается, ей осталось пройти совсем короткую дистанцию. Он хочет втиснуть прошлое во что-то такое маленькое, чтобы можно было взять с собой. Задача Ли – слушать. Ей это плохо удается.

– Мы что, были слишком старые? Ты была одинока?

– Мам, пожалуйста.

– Я только хочу сказать, что тебе нужно лучше понимать человеческую природу. Ну, так есть какие-нибудь новости? На этом фронте?

– На каком фронте?

– На фронте моего превращения в бабушку. На том фронте, где часики тикают.

– Никаких новостей. Часики все тикают.

– Ну что ж. Ты уж слишком не волнуйся, детка. Это случится когда случится. Мишель там? Могу я с ним поговорить?

Между Полин и Мишелем нет ничего, кроме недоверия и непонимания, за исключением этой благословенной темы, когда-то редкой, теперь возникающей все чаще, в которой Ли выставляется идиоткой, и этот факт образует коалицию между естественными врагами. Полин возбуждена, она разрумянилась, бранится. Мишель реализует свой небольшой запас с таким трудом заученных разговорных выражений, сокровище любого мигранта: в конечном счете, вы же меня понимаете, а если этого недостаточно, и я ему говорю, а я, типа, этот хорош, нужно запомнить.

– Невероятно. Жаль, меня не было там, Полин, позвольте вам сказать. Жаль, меня там не было.

Чтобы не слышать этот разговор, Ли выходит в сад. Нед, жилец сверху, лежит в ее гамаке, который находится в коллективной собственности, а потому не ей принадлежит. Нед покуривает травку под яблоней. Львиная грива, уже седеющая, схвачена презренно лентой-резинкой. На его животе лежит древний фотоаппарат «Лейка» в ожидании захода над С-З, потому что закаты в этой части мира до странности живописные. Ли подходит к яблоне и показывает знак победы.

– Купи свою.

– Нетушки.

– Это очевидно.

Нед держит косяк растопыренными пальцами. Делает затяжку сильно, резко, так что горло продирает.

– Умиротворяет. Афганская. Психотропично!

– Я большая девочка.

– Сегодня в шесть двадцать три. Все длиннее и длиннее.

– Пока не начнет укорачиваться.

– Ну уж.

Что бы ни говорила Ли Неду, каким бы фактографичным и банальным ни было ее сообщение, он находит в нем что-нибудь философическое. Он серьезный курильщик, время вокруг него свертывается. Простые вещи приобретают растяжимый смысл. Ли кажется, что с момента их знакомства десять лет назад ему всегда было двадцать восемь.

– Ну как, твоя гостья вернулась?

– Не-а.

Это идет вразрез с оптимистичным характером Неда. Ли наблюдает за его безрезультатными поисками истории, которая подошла бы для данного случая.

– Вовремя. Красотища.

Ли поднимает голову. Небо порозовело. На этом фоне белыми полосами выделяются летные трассы Хитроу. Мишель на кухне радуется.

– Вот этот классный. Этот нужно запомнить. Сам Иисус Христос!

4

Молодому сикху скучно. Его тюрбан напитался по?том. Он смотрит вниз на отцовский прилавок, у которого набитый мелочью карман, и пытается набрать денег на десяток сигарет «Ротманс». Без толку гудит дешевый вентилятор. Ли тоже скучно наблюдать, как Мишель укладывает выпечку, которая никогда не будет ему нравиться, которая никогда не будет такой вкусной, как во Франции. Это потому, что ее пекут в подсобках кондитерского магазина на Уиллзден-лейн. Настоящие круассаны можно купить на рынке органической еды в воскресенье на игровой площадке старой школы Ли. Сегодня вторник. От новых соседей Ли

узнала, что начальная школа в Квинтоне – подходящее место для покупки круассанов, но недостаточно хорошее, чтобы отправлять туда своих детей на учебу. Олив собирает крошки с пола кондитерской. Олив – немного француженка, как и Мишель. Ее дедушка был в Париже чемпионом. В отличие от Мишеля, она не сходит с ума по круассанам. Рыжая с белым, с шелковистыми обрезанными ушками. Смешная. Предмет поклонения.

– И нужно обратиться к хорошему доктору. В клинику. Мы не оставляем попыток. И ничего. Тебе в этом году тридцать пять.

Говорит на французский манер: нишего. Когда-то они были одногодками. Теперь Ли стареет годами собачьей жизни. Ее тридцать пять в семь раз больше, чем его, и в семь раз важнее, настолько важнее, что ему постоянно приходится напоминать ей о цифрах, чтобы она не забыла.

– Мы не можем позволить себе клинику. Какая еще клиника?

Маленькая фигура у прилавка поворачивается. Она прежде всего улыбается Ли (из инстинкта, который венчает узнавание радостью), а потом, мгновение спустя, вспомнив, прикусывает губу, протягивает руку к двери, открывает, раздается звук маленького колокольчика.

– Это она. Это была она. Покупала сигареты.

Ли надеется, что Шар удастся скрыться. Но везение Шар закончилось. И ее везение тоже. Пожилая женщина крупных размеров входит, когда Шар пытается выйти. Они исполняют неловкий придверный танец. Мишель быстр, смел – его не остановить.

– Воришка! Ты воришка! Где наши деньги?

Ли хватает свой указующий перст, сгибает его. Каждая рыжая веснушка засверкала, и автобусно-красный цвет поднимается к голове по шее, затапливает лицо. Шар перестает танцевать. Отталкивает с пути плечом милашку-старушку. Бежит.

Ли верит в объективность в спальне.

Вот лежат мужчина и женщина. Мужчина красивее женщины. И по этой причине случались времена, когда женщина боялась, что любит мужчину больше, чем он любит ее. Он это всегда отрицал. Он не может отрицать, что он красивее. Ему проще быть красивее. Кожа у него очень темная и стареет медленнее. У него хорошая западноафриканская костная структура. Вот мужчина, голый мужчина, он лежит на кровати. Брижит Бардо в «Презрении» лежит на кровати голая. Если бы мужчины были как Брижит Бардо, которая так и не родила ребенка, предпочитая животных. Правда, она стала негибкой в других отношениях. Женщина пытается говорить с мужчиной, со своим мужем, о девице, которая в отчаянии пришла к их двери. Что это значит – сказать, что девица солгала? Разве ложь – сказать, что она в отчаянии? А она была в таком отчаянии, что пришла к их двери. Мужчина не может понять, чем занимается эта женщина. Конечно, у него отсутствует какое-то жизненно важное звено информации. Он никак не может понять этой тайной женской логики. Он может только попытаться ее услышать. Я только хочу понять, правильно ли я поступила, говорит женщина, я просто не могу понять, может быть я…

Тут мужчина останавливает ее, чтобы сказать:

– пробка от этой штуки, она не с твоей стороны? Куда-то сунул. Но тут ничего не поделаешь. Наркоманка. Ворюга. Неинтересно это. Иди-ка сюда и…

Когда они встретились, эти мужчина и женщина, физическое влечение было неодолимым и подавляющим. Таким оно до сих пор и остается. Из-за этого необычного, острого влечения их хронология такая особенная. Физическое на первом плане, всегда.

Прежде чем он заговорил с ней, он мыл ей волосы, два раза.

Они занимались сексом, еще не зная фамилий друг друга.

Они занимались анальным сексом прежде, чем вагинальным.

До того как они поженились, у них были десятки сексуальных партнеров. Знакомства на танцплощадках, перепихнуться по-легкому. Девяностые –

десятилетие исступления! Они состояли в браке, хотя они никогда не состояли в браке и хотя оба клялись, что никогда не заведут семьи. Объяснить, почему они – в этой игре бессмысленных перестановок – выбрали друг друга, было затруднительно. К этому имело какое-то отношение такое качество, как доброта. На танцплощадках можно было найти много чего, вот только доброту – редко. Ее муж был добрее, чем любой мужчина, которого Ли Ханвелл когда-либо знала, кроме своего отца. И к тому же, конечно, они удивились собственной традиционности. Этот брак порадовал Полин. Он успокоил тревоги семьи Мишеля. Их радовало то, что они радуют свои семьи. Кроме того, собственные имена «жена» и «муж» имели такую силу, о которой обе стороны даже не догадывались прежде. Если дело было в вуду, то они испытывали за это благодарность. Это позволило им перестать бесконечно искать все новых партнеров, не признавая, что они уже утомились от поисков.

Дела пошли быстро.

Она забеременела еще до замужества, через два месяца после начала отношений, которые они прервали.

Они поженились, прежде чем стали друзьями; по-другому об этом можно сказать так:

Их брак дал им возможность подружиться.

Они поженились до того, как заметили множество малых различий в бэкграунде, устремлениях, образовании, амбициях. Есть различия в амбициях, например бедняка городского и бедняка сельского.

Отмечая такие различия, Ли в некотором смысле разочаровалась в себе: они упустили шанс поконфликтовать друг с другом по-настоящему. Трудно было привыкнуть к факту, что то наслаждение, которое ее тело находило в его, и, наоборот, с такой легкостью пересиливает многочисленные возражения, которые у нее возникали, или должны были бы возникнуть, или она думала, что должны были возникнуть.

– Может, в этот момент ее мать уже умерла. Может быть, она искала деньги, но просто забыла. Может быть, подсунула их под дверь, а Нед принял их за мусор и выкинул. Может, она сейчас никак не может найти столько денег.

– Да, Ли.

– Не делай этого.

– Что я, по-твоему, должен сказать? Мир такой, какой он есть.

– Тогда зачем нам вообще пытаться?

Уж если говорить совсем объективно, то в том, что они никогда не обсуждали возможность иметь детей, виновата женщина. По какой-то причине ей никогда и в голову не приходило, что бесконечное и чудесное трахание ведет к определенному и совершенно очевидному пункту назначения. Она опасается этого пункта назначения. Будь объективной! Что такое страх? Это что-то, связанное со смертью, временем, возрастом. Проще говоря: я ощущаю себя восемнадцатилетней, и если я ничего не буду делать, если буду стоять на месте, то ничего не изменится, и я всегда буду восемнадцатилетней. Вечно. Время остановится. Я никогда не умру. Этот страх – такая глупость. Всех теперь преследует этот страх. Что еще? В это мгновение она вполне себе счастлива. Она чувствует, что заслуживает именно того, что имеет, – ни больше ни меньше. Любые изменения могут нарушить равновесие. Почему это мгновение должно измениться? Иногда муж женщины разрезает красный перец пополам, вынимает семена, кладет их в пластмассовую миску, дает ей кабачок, чтобы разрезала, и говорит:

Собака.

Машина.

Квартира.

Вот так вместе готовить еду.

Семь лет назад у тебя не было работы. Я мыл волосы.

Все меняется! Мы сдвинулись с места, разве нет?

Женщина не знает, с какого места. Она не знает, что они вышли в путь, не знает, в какую сторону дует ветер. Она не хочет приходить в пункт назначения. Дело в том, что она верила: они вечно будут лежать под этими простынями голые, и больше ничего с ними не случится, ничего, кроме удовлетворения. Зачем это любви нужно «двигаться вперед»? И куда это – вперед? Никто не может сказать, что ее не предупреждали. Никто этого не может сказать. Тридцатипятилетняя женщина, замужем за любимым мужчиной уж наверняка предупреждена, должна была слушать, слышать, не должна удивляться, когда муж говорит

– много дней, когда женщина способна к зачатию. Только я думаю – три. Так что нечего говорить: «Ну, когда случится, тогда и случится». Мы не так молоды. Так что, я думаю, нам следует быть немного более, так сказать, внимательными в этих делах, типа планировать.

Объективно говоря, он прав.

6

Мы общество сбережения прошлого. Господь, сохрани лавочки, фарфоровые чашечки и девственность! Субботнее утро. ВЕСЬ КИНКС ВЕСЬ ДЕНЬ[3 - Мы общество сбережения прошлого (англ. We are the village green preservation society, дословно: «Мы общество сбережения деревенской площади» – где «деревенская площадь», согласно английской традиции, – зеленая площадь в центре деревни, общественное место, где собираются в праздники, отмечают всевозможные события, в данном случае понятие используется метафорически) – название известной песни группы «Кинкс». «Господь, сохрани лавочки, фарфоровые чашечки и девственность!» – цитата из песни.]. Девочка. Я от тебя просто торчу. Так торчу, что я уже и не знаю, что делаю. По субботним утрам Мишель помогает дамам и джентльменам с С-З приобрести вид, приличествующий субботнему вечеру, выглядеть свежо и правильно, и там, в салоне, он может сколько угодно врубать свой приторный ритм-энд-блюз, свои «ах, бэби, ах», «малютка до шести утра, пока не выглянет солнце». По утрам в субботу она свободна! Сохрани, господь, дома в стиле Тюдоров, старинные столы и бильярды! Сбережение традиций от злоупотреблений. Защита новых обычаев для меня и тебя. Что еще можем мы сделать? Бродить в пижамных штанах, фальшиво напевать. Нед в саду. Неду нравится громкая музыка белого происхождения. Он напевает. Я пытался осесть на Фулхам-Бродвей. И я пытался

найти себя в Голдерс-Грин. В раскрепощенности выходных постоянно присутствует что-то маниакальное и меланхоличное: внутренний отсчет до начала рабочей недели уже начался. В зеркале – она собственный партнер в танце нос к носу с отражением. Это физическое лицо улыбается и поет. Ах, как я тоскую по людям, которых оставил в Уиллзден-Грин![4 - Этот пассаж наполнен скрытыми цитатами из разных песен, так, слова о Фулхам-Бродвей, Голдерс-Грин – цитаты из песни группы «Кинкс» «Уиллзден-Грин».] А тем временем что-то у тебя внутри потрясается новостями из зеркала: в вихрах вдруг белая прядь, отеки вокруг глаз, мягкий живот. Я ОТ ТЕБЯ ПРОСТО ТОРЧУ. Я ОТ ТЕБЯ ПРОСТО ТОРЧУ. Я ОТ ТЕБЯ ПРОСТО ТОРЧУ. Куда уходит время? Она понимает, что звонит звонок, когда Олив начинает лаять как сумасшедшая.

– У моей мамы случился… сердечный приступ. Пять… фунтов.

У этой девицы волосы разглажены утюжком. Она либо толстая, либо беременная. Она тупо смотрит вниз, озадаченная исступлением Олив, которая суетится у ее ног. Она поднимает глаза на Ли и смеется. Ха! Зашла слишком далеко, чтобы помнить заученные строки. Она неловко поворачивается на пятках, танцор, с большим опозданием исполняющий па. Головы на уличной тропинке раскачиваются и гогочут.

7

Яблоня, яблоня.

Такая штуковина, на которой растут яблоки.

Яблоневый цвет.

Так символично.

Плетение веток, корней. Пробиваются внизу.

Более полное, более плодовитое.

Больше червей. Больше крыс.

Яблоня, яблоня. Яблоня. Вперед – это куда? Тик-так.

Три квартиры. Одна яблоня. Собственность,

аренда. Отяжеленные семенем.

В кроне. Когда ветвь ломается, младенец будет.

Прах мертвеца. Вокруг корней, в корнях?

Столетняя яблоня.

Сидеть на луврах. Под

яблоней. У тебя мальчик?

Новые ветки. Новые цветки.

Новые яблоки. То же дерево?

Рожден и вырощен. Те же улицы.

Та же девушка?

Следующий шаг.

Яблоняблоко.

Ствол, кора.

Алиса, мечта.

Ева, еда.

Под которой хорошие девочки совершают ошибки.

Мишель хороший человек, полный надежд. Надежда иногда изматывает.

– во что я всегда верил. Слушай, знаешь, в чем настоящая разница между этими людьми и мной? Они не хотят идти вперед, они не хотят ничего лучше, чем то, что у них есть. Но я всегда двигаюсь вперед, всегда думаю о том, что дальше. А моя родня – они меня вообще не понимают. Я для них слишком продвинутый. А потому, когда они пытаются поговорить со мной, я этого не допускаю – вот так, не впускаю драму в мою жизнь. Ни за что! Я слишком много и упорно работал. Я люблю тебя слишком сильно, эту жизнь люблю. Ты – это то, что ты делаешь. Вот как обстоят дела. Я часто думаю: вот это и есть я? Что я делаю? Неужели это я? Если я сижу и ничего не делаю, то я знаю: это превращает меня в ничто. С первого дня в этой стране я себя правильно настроил, был полон решимости: я поднимусь по это лестнице, хоть на ступеньку, а поднимусь. Во Франции ты можешь быть африканцем, алжирцем – кому какая разница? У тебя нет никаких возможностей, ты не можешь никуда продвинуться. Здесь ты можешь продвинуться. Для этого ты должен работать! Ты должен вкалывать, чтобы отделить себя от этой драмы внизу! И я вот о чем: я не хочу впускать ее к себе. Но именно это ты и делаешь. Вот тебе идеальный пример – эта девица; ты ее впускаешь – я даже не понимаю, что творится в твоей голове, – но в свою жизнь я этой драме не позволю войти. Я знаю, в этой стране есть возможности, если ты хочешь за них ухватиться, то тебе это по силам. Не ешь его – видишь, оно червем поедено, вот здесь, видишь? Посмотри на свою мать – мы не такие уж большие друзья, но, пожалуйста, посмотри, чего она добилась: вытащила тебя из того кошмара, который там творится, в хорошее место, в хорошее жилье, ипотека… Конечно, у тебя белая кожа, у тебя все по-другому, тебе легче, у тебя есть возможности, которых не было у меня. Те, кто подкопченные, у них вкус похуже будет. Мы все пытаемся подняться на следующую, следующую, следующую ступеньку. Подняться по этой лестнице. «Жилищное партнерство Брента». Не хочу, чтобы эти слова были написаны на фасаде того места, где я живу. Я прохожу мимо и чувствую типа фу-у – это для меня унизительно. Если у нас когда-нибудь появится маленький мальчик, я хочу, чтобы он жил – жил с высоко поднятой головой – где-нибудь, где мы будем настоящими собственниками. Так вот! Эта трава – не моя трава. Это дерево – не мое дерево!

Мы развеяли прах твоего отца вокруг дерева, которое нам даже не принадлежит. Бедный мистер Ханвелл. У меня сердце кровью обливается. Это был твой отец! Вот почему я каждый вечер сижу за ноутбуком, я пытаюсь сделать это – потому что там чистый рынок, никому нет дела до твоей кожи, до твоего неидеального английского, до того, какой университет ты окончил, и всякой такой херни. Я могу торговать, как любой другой. Там можно денег заработать – ты знаешь? Рынок теперь такой сумасшедший. Вот этого тебе никто не скажет. Я все думаю о том, что Фрэнк сказал за обедом: «Умные ребята всё быстренько отыгрывают». Глупо не попытаться получить хоть немного. Я ведь не похож на этих с Ямайки – эта новенькая девица, Глория, или как там ее, у нее до сих пор занавесок нет. Двое детей, безмужняя, получает пособие. Я вот женат – и где мое пособие? Я знал, когда у меня будут дети, я себе вот что сказал: «Я останусь с этой женщиной, которую так сильно люблю, я всегда буду с ней». Иди сюда. Вот что у нас в сухом остатке: меня никогда не устраивало сидеть на луврах и получать пособие, никогда меня это не интересовало. Я африканец. У меня своя судьба. Я тебя люблю, и мне нравится, куда мы идем вместе! Я всегда иду к моей судьбе, думаю о следующем достижении, о том, что там следующее, поднимаюсь все выше, чтобы мы, чтобы ты и я, могли подняться на эту следующую…

– Лаврах.

– Что?

– Лавры. И на них почивают, а не сидят. Сидишь ты на заднице.

– Ты даже не слушаешь.

Это верно: она думает о яблоках.

8

Повсюду в Лондоне офисы без всяких перегородок / стекло от пола до потолка / места для совместной работы / все беспроводное / все сверкает. Превалирует убеждение о важности столов для настольного тенниса. Но здесь – не там. Здесь офис – тесные викторианские коробки, тоска зеленая. В них сидят пять человек, ковер протерт до дыр, дырокола не найдешь.

– о поступающих деньгах. Вопрос: как они сумели пройти так далеко без всякого постороннего вмешательства? Вот что бы мне хотелось знать. Проверки и балансы, люди! Потому что, когда вы делаете это вот так, вы метафорически подносите им наши головы на блюде, имею в виду и мою голову. А следующее, что вы слышите: повышение эффективности дает экономию. Нет, речь не идет о многократном использовании пакетика чая. Имеется в виду твоя работа и моя работа. Да, именно так.

Здесь пари, проигранное нацией, превращается в подобие общественного блага: занятия в группах продленного дня, услуги по переводу, уборку сада для пожилых, лоскутного шитья для заключенных. Здесь работают пять женщин, сидят спинами друг к другу. Дальше по коридору – человек-призрак, Ли никогда его не видела. Эта работа требует сочувствия, а потому привлекает женщин, потому что женщины – пол, способный сочувствовать. Это мнение Адины Джордж, начальника группы, Адины, которая говорит, которая никогда не прекратит говорить. Рот Адины открывается и закрывается.

Бывший тюремный охранник, социальный работник, член муниципалитета. Как она вообще может работать с такими когтями? Длинные, искривленные и украшенные миниатюрными изображениями ямайского флага. Процарапала себе путь наверх по системе. Коренная до мозга костей. Настороженно относится к таким, как Ли, кто достиг всего своими дипломами. Для Адины университетская степень, как трос тарзанки – летишь то вниз, то вверх со страшной скоростью. Конечно, долго вы здесь не просидите. Слушайте, я не хочу давать вам проекты, которые вы не успеете закончить…

Шесть лет уже прошло – больше таких разговоров не слышно. Сегодня, когда Адина упомянула ее как «остепененную», Ли пришло в голову, что никто – ни заведение, выпустившее ее, ни ее ровесники, ни сам рынок труда – не ценит ее степень так высоко, как Адина.

– а это вещь первостепенная для того, чтобы здесь успевать. Принятие решений – это такая вещь, она про надежность и да, сопереживание, личную вовлеченность, но еще и ничего не бросать посередине, не забывать про

ценность денег, когда выполняешь рутинную бумажную работу. Бумажнаяработабумажнаяработабумажнаяработа. В нынешней атмосфере над каждым i должна стоять точка, при каждом t иметься перекладинка, а потому, когда люди, сидящие наверху, ставят меня на позицию начальника группы, я могу сказать: да, полная прозрачность. Здесь полная прозрачность от начала и до последней буковки. Чтобы ни одного атома не пропало, дамы, я на вас надеюсь.

Вопрос: что случилось с ее однокашниками, этими энергичными юными выпускниками, большинство из которых – мужчины. Банкиры, юристы. А тем временем Ли, непредсказуемая девица из государственной школы без латыни, без греческого, без математики, без иностранного языка, полный провал – по современным стандартам – теперь сидит на временном стуле, позаимствованном шесть лет назад в комнате отдыха, и ее переполняет сочувствие. Правая нога затекла. Компьютер завис. Айтишника днем с огнем не найдешь. Кондиционера нет. Адина все не замолкает, выкручивает язык так, как она умеет.

– Это был вопрос коммуникации? Блокировка между партиями. Кому следует иметь более ясное понимание того, как их поведение влияет на других?

И это тоже пройдет. Четыре сорок пять. Зиг-заг. Тик-так. Иногда злость охватывает Ли. Хватает, удерживает. Какой во всем этом был смысл? Три года бесполезной учебы. На мели и не на своем месте. В первую очередь виновата философия, потому что Ли боялась умереть и думала, философия ей поможет, а еще потому, что она не умела ни складывать, ни вычитать, ни запоминать факты или говорить на каком-нибудь языке, кроме собственного. В брошюрке университета над фотографией Ферт-оф-Форт[5 - Название залива в Северном море, на побережье которого расположена столица Шотладнии Эдинбург.] было курсивом напечатано: «Философия учит умирать». Философия – это слушать щебет шикарных парней, это скучнее всего, что вообще случается в жизни, скучнее, чем можно вообразить. Это желание оказаться где угодно, только не здесь, где-нибудь в другой точке этой мультивселенной, концепцию которой ты так толком и не поймешь. В конечном счете надежно сохранилась только одна идея: время есть понятие относительное, оно различно для бегуна трусцой, любовника, истязаемого, праздного. Вот как теперь, когда минута, кажется, растягивается в час. В остальном все было без толку. Растущий неоплаченный долг. Попутное негодование: какой был смысл в подготовке к жизни, которая никогда для нее не предназначалась? Годы, слишком разъединенные со всем остальным, чтобы ощущать их как реальность. Мрачные эдинбургские холмы и

неожиданные переулки, тень Эдинбургского замка, рюмка виски за пятьдесят пенсов, камень Вальтера Скотта и продажа в кредит для студентов. И то, что у нее просто от языка отскакивает: двухсложная упаковочная компания «Сократ» и четырехсложная чистящая жидкость «Антигона». И то, что она никогда-никогда не забудет: ублюдок с первого курса с его насмешечками. Я ПЕРЕПОЛНЕНА СОЧУВСТВИЕМ, пишет Ли и исступленно рисует вокруг каракули. Огромные огненные арки, длинные заостренные тени.

– Вопросы? Проблемы?

Ручка громко трескается. Пластик разлетается, синий язык. Адина Джордж заглядывает ей через плечо и смотрит недовольно, но Ли за албанцев не отвечает. У нее полный рот обломков ручки, но за албанцев она не отвечает. Как не отвечает и за растрату средств, предназначенных для женского приюта в Хэкни. Это было в смену Клер Морган. Хотя у Ли синий язык, и пафосная степень, и горячий муж, и ничего личного, но для женщин в нашем сообществе, в афрокарибском сообществе, ничего личного, но когда мы видим кого-нибудь из наших с кем-либо вроде вас, вот это настоящая проблема. Это настоящая проблема, в которой вы должны дать себе отчет. Ничего личного (уик-энд в Брейтоне, упражнения по выработке командного духа, бар отеля, 2004). Какого рода эта проблема, так никогда и не было объяснено. «Нежную любовь» пела Анита Бейкер, и Адина упала, перелезая через стул, когда пыталась попасть на танцплощадку. Блокировка.

Ли выплевывает пластмассовые осколки в руки. Нет вопросов или проблем. Адина вздыхает, уходит. Закрывание папок и упаковка сумки начинаются с таким же рвением, какое они проявляли, когда им всем было по шесть и звонил звонок. Может быть, тогда и была настоящая жизнь? Ли упирается ногами в пол и отъезжает назад на стуле. Поднимает и укладывает папки в шкаф, и это самое радостное событие за весь день. Бух.

– Ой! Ли, что за херня?! Осторожнее!

Простор необъятный. Ли упирается носом в пупок Тори, соображая, как эта сокровенная вещь теперь явлена на всеобщее обозрение, обозначая предел возможного. Если продолжать в таком же духе, это уже будет за пределами рода человеческого.

– Осторожнее. Ты идешь или что? Выпить в судный день. Получила мейл?

Запрятанное в самом дальнем уголке компьютера вместе с банковскими счетами, напоминаниями о погашении студенческого долга, записками от администрации, эпическими письмами от матери, в том уголке, где если что не открывается, то его и в природе нет. Она прекрасно знала, что там лежит электронное письмо, и знала, о чем оно, но она бежит от людей, которые находятся в том же состоянии, что и Тори. Она бежит от себя.

– Я, Клер, Келли, Беверли, Швета. Ты – следующая.

Тори отсчитывает имена на своих распухших пальцах. Она на сносях. Ее лицо имеет львиные черты, щеки пухлые, выдающиеся. Улыбка большой кошки. Хищная. Ли смотрит на выставленный большой палец, который должен обозначать ее.

– Пытаюсь. Это не так-то легко.

– Попытка – это лишь половина удовольствия.

Комната полна смеющихся женщин. У них какое-то общее знание их пола, неведомое Ли. Она упирает руки в бока и улыбается, полагая, что нормальные женщины именно так себя и ведут, женщины, для которых попытка – одно удовольствие, и «ты следующая» не звучит как крик стражника в темном месте. Наконец они отправляются по традиционному кругу, где ни один голос не отделяется от другого, и Ли кладет голову на стол, закрывает глаза и позволяет им подтрунивать над собой:

В особенности, когда он похож на твоего. А он так хорош.

Он такой красавчик, твой Миишель. И повадки красавчика.

Бев, ты помнишь, когда мы в тот раз ходили к Ли, а у меня в машине окошко не работало и Мишель встал на колени с проволочной вешалкой? После я целый МЕСЯЦ рассказывала об этом Леону.

Он реально чувственный. Реально семейно ориентированный человек.

Каждый раз, когда я думаю: куда все добрые братья испарились, я думаю: дыши, по крайней мере, в мире есть Миишель.

Да, но они все уже разобраны!

ХАХАХАХАХАХАХАХАХА

Белыми девчонками!

Не, не будь ты такой. Ли, она просто прикалывается над тобой.

Не прикалывайся над Ли! Не ее вина, что твой Леон бесполезный – ублюдок.

Леон в порядке.

(Ни на что не способен. «Леон, ты что сегодня делаешь?» – «Кайфую с дружками». Сукин сын, вечно он «кайфует».)

Леон в порядке.

Но если серьезно, то тебе повезло.

И ты получаешь в придачу прическу с сушкой!

Мужчина, который может сделать тебе прическу. Это просто настоящий рай. Он может делать афрокосички, может делать наращивание…

Келли, зачем ей афрокосички?

Она не Бо Дерек.

ХА! (Не, Ли, ничего личного – извини, но забавно.)

Я просто говорю, что он профессионал. Какую хочешь прическу тебе сделает.

И он натурал. Точняк!

Точняк!

Хахаха

Точняк.

Да. (Попробовал бы он по-другому!)

Вот что меня убивает! Лучший из обоих миров. Но у тебя есть. Ты не знаешь, что родилась.

Она не знает, не знает, что родилась.

Ты не знаешь, что родилась.

Не знаешь.

Ты не знаешь, что родилась.

Наконец пять часов. Ли поднимает взгляд. Келли ударяет по ее столу.

– Конец, можно уходить!

Одна и та же шутка каждый день. Шутка, которая позволяется, если ты не Ли, если ты не единственная белая в Группе распределения фондов. В коридоре изо всех дверей высыпают женщины, высыпают на улицу в жару, с шоколадной кожей, готовые к теплой ночи на Эджвер-роуд. С Сент-Китса, Тринидада, Барбадоса, Гренады, Ямайки, Индии, Пакистана. Женщины, которым за сорок, за пятьдесят, за шестьдесят, но их бюсты, ягодицы, глянцевые ноги и руки, еще открытые для секса раннего лета, готовы тем манером, которым никогда не смогут быть открыты женщины из племени Ли. Для них солнце – роковая вещь. Такие красные, такие бледные. Все, что надето на Ли всегда, – длинное и из

белого хлопка. Она похожа на святую третьего ряда. Она шагает в ногу с остальными. Минует место преступления, мусорную корзину, наполненную блевотиной и засунутую за цветочный горшок в комнате отдыха, потому что до туалета было слишком далеко.

9

От А до Б.

А. Йейтс-лейн, Лондон С-З 8, Соединенное Королевство

Б. Барлетт-авеню, Лондон С-З 6, Соединенное Королевство

Направления прогулок на Барлетт-авеню, Лондон, С-З 6, СК

Предлагаемые маршруты

Эти направления приведены исключительно в информационных целях. Возможно, стройки, трафик, погода или другие события могут вызвать условия, отличающиеся от результатов на карте, и вам придется планировать ваши маршруты соответственно. Вы должны следовать всем знакам или объявлениям, относящимся к вашему маршруту.

10

И вновь от А до Б:

Сладковатый запах кальяна, кускуса, кебаба, выхлопных паров на автобусном кольце. 98-е, 17-е, 32-е места только стоячие – быстрее дойти! Беженцы из Сент-Мэриз, Паддингтон: будущий отец, курящий, старушка катит на инвалидной коляске, курящая, живучий тип, с мочеприемником в руке, мешок с костями,

курящий. Все не прочь дунуть. Все. Польская бумага, турецкая бумага, арабская, ирландская, французская, русская, испанская, «Новости мира». Разлочить твой (украденный) телефон, купить аккумулятор, упаковку с зажигалками, упаковку с одеколоном, темные очки, три штуки за пятерку, фарфорового тигра в натуральную величину, золотые фиксы. Казино! Все верят в судьбу. Все. Так на роду написано. Именно так на роду не написано. «Кто хочет стать миллионером»? Телевизионные экраны в телевизионном магазине. Телевизионный кабель, компьютерный кабель, аудиовидеокабели, я даю вам хорошую цену, хорошую цену, брошюрки, звоните за границу в четыре раза дешевле, изучайте английский, восковая депиляция, фалуньгун, вы приняли Иисуса как персональный тарифный план? Все любят жареную курицу. Все. Иракский банк, Египетский банк, Ливийский банк. Пустые такси в связи с солнечным излучением. Бумбоксы потому что. Одинокий итальянец, удобные туфли, потерянный, ищу Мэйфер. Сто один способ найти укрытие: совершенно черный тент, маска для лица, затылок, тиснение Луи Виттон, тиснение Гуччи, желтые кружева, прикрепленные к солнцезащитным очкам, совсем не держатся, в полоску, леденцово-розовый в паре со спортивным костюмом, джинсы в обтяжку, летние платья, блузы, жилеты, цыганские юбки, брюки клеш. Без всякой связи с дебатами в газетах, в парламенте. Все любят сандалии. Все. Птичий щебет! От вульгарной, грязной торговой галереи до квартир-особняков, до дома англичанина в замке. Складной верх машины, откидной верх машины, проезд без остановки, хип-хоп. Смотри, как копятся деньги. О-па! Охранное освещение, охранная сигнализация, охранные стены, охранные деревья, Тюдор, модернист, послевоенный, довоенный, каменные ананасы, каменные львы, каменные орлы. Повернись на восток и мечтай о Реджентс-парке, о Сент-Джонс-Вуд. Арабы, израильтяне, русские, американцы: соединенные здесь меблированным пентхаусом, частной клиникой. Если мы платим достаточно, если мы прищуримся, то Килбурну и существовать нечего. Бесплатная еда. Английский – второй язык. Вот в этой школе зарезали директора. Вот здесь, напротив «Куинс Армс», – Исламский центр Англии. Пройдите посередине, вы рефери, вы! Все любят «Гранд Нэшнл». Все. Неужели сейчас и правда только апрель? И они устарели!

11

Так близко к дому, совсем рядом на Уиллзден-лейн. Странное схождение. Она входит в сломанную телефонную кабинку, посасывая палочку фруктового мороженого. Вокруг – толстое разбитое стекло, кубики осколков. В нескольких ярдах от массажного салона «Клеопатры». Ли широко открывает глаза, чтобы

запомнить для Мишеля подробности – это одна из тех вещей, которая требуется в браке. Привлекать внимание не к тем подробностям. Серые мешковатые брюки, грязно-белый спортивный лифчик. И больше ничего, никакого топа. Никакой обуви. Груди маленькие, плотно прижаты к телу. Трудно поверить, что она рожала. Может, это тоже ложь. Тонкая талия, за которую хочется подержаться. Она – нечто прекрасное на солнечном свете, нечто между мальчиком и девочкой, напоминающее Ли о том времени, когда от нее еще не требовалось принять окончательное решение относительно всего этого. Желание никогда не бывает окончательным, желание нечетко и непрактично: ты идешь к ней, ты идешь к ней на большой скорости, а что потом? А что потом? Ли уже совсем близко, когда ее обнаруживают. Прошло три недели. Шар бросает трубку и пытается перейти на другую сторону. Трафик такой, каким ему и полагается быть в час пик. Поначалу Ли рада, что Мишеля с ней нет. Потом ее лицо превращается в его лицо, а его голос звучит из ее глотки, или же это замещающее оправдание, и из глотки звучит ее собственный голос.

– Гордишься собой? Ворюга. Мне нужны мои деньги.

Шар сконфужена, она бежит через дорогу. Бежит к двоим мужчинам, высоким, со спрятанными в капюшонах лицами, они стоят в дверях. Шар обнимает высокого. Ли спешит домой. За спиной она слышит ответ из неразборчивых оскорблений в свой адрес, трескотню, как из пулемета.

37

С девицей, которую она любила, много лет назад они, лежа в кровати, обсуждали цифру 37. Пение Дилана. У девицы – теория, что в числе 37 есть какая-то магия, нас влечет к ней. Этому явлению посвящено немало сайтов. Воображаемые дома, которые бывают в кино, книгах, живописи и поэзии, – почти всегда под номером 37. Попроси назвать число наобум – обычно это будет 37. Ищи 37, сказала девица, в наших лотереях, наших игровых шоу, наших мечтах и шутках, и Ли стала делать это, до сих пор делает. Напомни обо мне кое-кому, кто живет там. Она была когда-то моей настоящей любовью. Теперь эта девица тоже замужем.

Номер 37 на Ридли-авеню захватан. Захвачен? Входная дверь заколочена досками. Окно разбито. Человеческие голоса из-за сорванной серой сетки. Ли переходит из тени живой изгороди в передний двор. Никто ее не видит. Ничего

не происходит. Она стоит, подняв одну ногу над землей. Что бы она стала делать, будь у нее тридцать семь жизней! У нее одна жизнь, она идет к матери, они вместе пойдут покупать диван. Если она и дальше будет стоять здесь, то опоздает. В переднем эркерном окне: Микки, Дональд, Барт, безымянный мишка, слон с оторванным хоботом. Матерчатые лица против грязного стекла.

12

– Ты не спешила. Нормально себя чувствуешь? Ты вроде немного похудела. Что, поедем по Юбилейной линии, да?

Полин отступает от входной двери, катит пластиковую сумку для покупок на колесиках. Всегда чуть старше ожидаемого. И меньше. С улицы это должно выглядеть как стремление человечества к совершенству: каждое новое поколение по сравнению с предыдущим становится лучше. Обретает лучшую форму, становится здоровее, продуктивнее. Сова становится птицей Феникс. Или это временное – потом произойдет обратное превращение? Выше и выше, пока не ниже.

– Беспокоилась о тебе. У тебя, кажется, нездоровый вид.

– Я в порядке.

– А если бы и не в порядке, все рано не сказала бы.

А что говорить? Все еще внимательно к ней приглядывается, хотя почти месяц прошел. Ждет, когда она выйдет из этого магазина, из-за угла, пройдет мимо телефонной будки. Девица для Ли в ее отсутствие не реальнее, чем волдырь, едва появившийся под свитером, но в то же время все время с ней.

– Да на мне одна блузка, а я уже потею, как свинья. Это неестественно.

Индуистский храм имеет цвет кирпичика неаполитанского мороженого и в основном такую же форму. Кирпичик неаполитанского мороженого с двумя перевернутыми конусами по бокам. Поток старых индусок по ступенькам, не убежденных очарованием тепла. Они в сари с джемперами и кардиганами и в толстых шерстяных носках. У них такой вид, словно они пришли в Уиллзден из

Дели, добавляя слои одежды по мере продвижения. Теперь они, как одна, направляются к ближайшей остановке, толпа, которая вбирает в себя Ли и ее мать, несет их с собой.

– Повезло. Мы сядем. Сэкономим время.

– Каждый, кто в тридцать лет едет на автобусе, может считать себя неудачником. Детка, я забыла мой проездной! Что ж такое, дорогая?

– Тэтчер. Как прежде.

– Один до Килбурна, пожалуйста. Два фунта! Она была ужасная корова. Ты-то не помнишь, а я помню. Сегодня Брент. А завтра может быть Британия.

– Мама, ты сядь там, а я сяду здесь. Тут нет места.

– Первая страница «Мейл». Сегодня Брент. А завтра может быть Британия! Некоторые люди такие наглые. Ну экое нахальство.

Ли сидит напротив и смотрит на красную точку на лбу индуски, пока точка не начинает расплываться в ее глазах; она становится огромной, занимает все поле зрения, в конце концов Ли начинает казаться, что она вошла в эту точку, миновала ее и оказалась в более мягкой вселенной, параллельной нашей, где люди полностью и близко знакомы друг с другом и нет времени, нет смерти, нет страха, нет диванов, нет

– И, может, и были у нас какие-то разногласия, но он тебя любит. А ты любишь его. Тебе с этим жить. Совет тебя очень неплохо устроил, у тебя маленькая машинка, у вас обоих работа. Теперь уже следующее.

Следующая – ты. Вот что такое следующее. Следующая остановка – Килбурн. Двери открываются внутрь, городские насекомые складывают крылья. Девица в хиджабе с мобильником пробирается вперед вместе с ними и нарушает повествование, смеясь, проглатывая «х»[6 - То есть произнося слова без звука, обозначаемого буквой h.], лицо скрыто под слоем косметики, но Полин все равно вынуждена говорить то, что она всегда говорит, с изящными вариациями, зависящими от новостных циклов.

– Всего лишь парочка целуется, это Дубай – каждому грозит по двенадцать лет. Это запрещается, понимаешь? Это так печально.

Но эта печаль быстро перекрывается другой, более местной, печалью. Грязная цыганка и высокий парень приплясывают у автомата по продаже билетов. Полин дышит в ухо Ли.

– Я благодарна, что ни один мой ребенок никогда такого не делал.

В голове Ли быстро проносится парад прежних удовольствий, воспоминания о которых для нее почти невыносимое удовольствие: белое и коричневое, естественное и химическое, таблетки и порошки.

– Не вижу в этом ничего забавного. Нет, не могу поверить, что забыла его дома. У меня он всегда в кармане.

– Я не над этим смеялась.

Проезднойбилетпроезднойбилетпроезднойбилет.

– Что она говорит, бедняжка?

– Продают билеты, думаю.

Очень печально, но еще и возможность сэкономить. Полин протягивает руку, чтобы похлопать парня по плечу.

– Сколько зон? Сколько вы за него хотите?

Проездной на один день. Шесть зон. Два фунта.

– Два фунта! Откуда я знаю, что это не подделка?

– Ма, на нем дата стоит, господи боже!

– Я дам фунт – не больше.

– Хорошо, миссис Ханвелл.

Взгляд снизу вверх. Дерганая форма путешествия во времени, движение в двух направлениях: накладываешь ребенка на этого человека, этого человека на ребенка. Один знакомый, другой нет. Во всклокоченную шевелюру-афро воткнуто маленькое серое перышко. Одежда рваная. Один большой палец торчит через крошащуюся резину старых «Найк эйр» с красной полоской. Лицо гораздо старше положенного, даже с учетом того, что время так ужасно обращается с человеческим материалом. У него странное белое пятно на шее. Но красота еще не сломлена полностью.

– Натан?

– Хорошо, миссис Ханвелл.

Приятно видеть Полин смущенной, потные волосы обрамляют ее лицо.

– Ну как ты, Натан?

– Выживаю.

Рукопожатия. Недавно кто-то здорово порезал ему щеку. Это все еще открытое, откровенное лицо. Никакого притворства. Отчего все становится еще более затруднительным.

– Как твоя мать, твои сестры? Помнишь Ли? Она теперь замужем.

– Да. Это хорошо, хорошо.

Он робко улыбается Ли. В десять лет у него была настоящая улыбка! Натан Богл: сама суть желания для девчонок, которые прежде чувствовали что-то подобное только к пахучим ластикам. Улыбка, которая может уничтожить решимость даже самых строгих учителей, родителей других школьников. В десять лет она бы сделала для него что угодно, что угодно! Теперь она смотрит на десятилеток и не может поверить, что внутри их может быть то, что было в ней в их нынешнем возрасте.

– Давненько.

– Да.

Для него дольше. Приблизительно раз в год она видит его на шоссе. Она ныряет в магазин, либо перебегает на другую сторону, либо садится в автобус. Он теперь без зубов – там, и здесь, и здесь щербины. Безутешные глаза. То, что должно быть белым, – желто. По всей поверхности красные прожилки.

– Вот фунт. Береги себя. Передавай привет матери.

Быстро через турникет, наталкиваясь в спешке друг на друга, потом быстро вверх по лестнице.

– Это было ужасно.

– Его несчастная мать! Нужно заглянуть к ней как-нибудь. Так печально. Слышать про нее я слышала, а вот не видела бог знает сколько.

Подходит поезд, и Ли наблюдает за Полин, которая смотрит на поезд спокойным взглядом, делает шаг вперед к желтой линии. Это царство Полин – царство печали – непреложно и неизбежно, как ураганы и цунами. Ему не сопутствует никакое особенное беспокойство. Обычно эта печаль приемлема, сегодня бесстыдна. Такая печаль – это слишком далеко от существования Полин, что лишь разочаровывает. Она делает разочарование похожим на благословение. Вот почему новости на эту тему всегда встречаются с такой радостью, они всегда такие приемлемые.

– Я помню, ты по нему вздыхала. Потом он на несколько лет куда-то делся, кажется. Он никого не убивал, нет, теперь ясно, что это сделал кто-то другой. Посадили в психушку, да? В какой-то момент? Избил отца, превратил его в отбивную, в этом я не сомневаюсь. Хотя он сам напрашивался на что-то подобное.

Когда поезд подходит, Ли берет из стопки две бесплатные газеты, потому что за чтением можно молчать.

Она пытается читать статью. Статья посвящена актрисе, которая выгуливала собаку в парке. Но Полин хочет прочесть статью о мужчине, который на самом деле был совсем не тем, за кого себя выдавал, и она хочет поговорить и об этом.

– Ну, если ты говоришь, что непогрешима! Что хочешь говори про наших, но мы хотя бы не заявляем о нашей непогрешимости. Праведники, да? Эти несчастные дети. Загубленные жизни. И они называют это религией! Что ж, будем надеяться, что это раз и навсегда конец всему этому делу.

Понимая, что они разговаривают со всем вагоном, Ли воздвигает скромную оборону, думая о запахе кадильницы, пухленьких малышах-амурчиках, золотистом взрыве солнечных лучей, холодном мраморном поле, темном дереве, резном и раскрашенном, о женщинах, стоящих на коленях, шепчущих, зажигающих свечи, путешествии по Европе в тысяча девятьсот девяносто третьем.

– Жаль, что у нас нет исповедания. Жаль, что я не могу исповедоваться.

– Да вырасти уже, Ли, ты собираешься вырасти?

Полин яростно переворачивает страницу. В окне – небесная линия Килбурна. Необлагороженная, необлагораживаемая. Бумы и спады никогда сюда не доходят. Здесь вечный спад. Пустой кинотеатр «Стейт Эмпайр», пустой «Одеон», сайдинг, исписанный граффити, скачущими вверх и падающими, как хлипкие вагончики русских горок. Хаотичные крыши и трубы, одни высокие, другие низкие, тесно стоящие одна подле другой, помятые сигареты в пачке. В противоположном окне остается позади Уиллзден. Номер 37. Приблизительно в 1880-е этот район стал расти – дома, церкви, школы, кладбища, – оптимистическое видение лондонских окраин со станциями метро. Маленькие стандартные домики, ложнотюдоровские груды. Дома со всеми удобствами! Туалет в доме, горячая вода. Благоустроенное сельское жилье для тех, кто устал жить в городе. Галопом вперед. Полугородское жилье для тех, кто устал от сельской местности.

– Появ-ле-ние вул-ка-ни-ческого пепла в воз-духе?

Полин произносит каждый слог аккуратно, сомневаясь в его реальности, и подносит фотографию слишком близком к носу дочери. Ли различает только

большой серый смерч. Может, там и нет ничего другого. Это обсуждают и хипстеры, сидящие напротив. «Месть Геи, – говорит девица парню. – Не буди лихо, пока оно тихо». Полин, всегда радующаяся возможности групповой беседы, наклоняется вперед:

– Говорят, в магазинах ни фруктов, ни овощей. Если подумать, в этом есть смысл. Конечно, мы ведь здесь живем на острове. Я это всегда забываю, а вы?

13

– Закончил с компьютером?

– Нужно дождаться, когда они закроются.

– Уже почти семь. Мне нужен компьютер.

– Онлайн еще не семь. Почему бы тебе не заняться своими делами?

– Вот для этого он мне и нужен.

– Ли, я тебя позову, когда закончу.

Обмен валюты. Использование волатильности. Она понимает только слова, но не цифры. Слова зловещи. Добавить их к теперешнему выражению лица Мишеля, выражению повышенного внимания. Внутреннее время тянулось и замирало, не обращая внимания на минуты и часы, находящиеся вовне. Пять минут! Он произносит это раздраженно, словно прошло тридцать, или сто, или две. Порнография оказывает на человека такое же действие. Говорят, искусство тоже.

Ли стоит позади Мишеля в темноте кладовки. Голубое мерцание экрана. Он – в двух футах от нее. Он – по другую сторону мира. Почему бы тебе не заняться своими делами?

У нее возникает мысль, что существует масса дел, которыми она собиралась заняться уже не одну неделю, и теперь она займется ими с резвой быстротой

монтажа в середине фильма. В общей комнате работает телевизор. И от него в коридоре тоже голубой свет. В кладовке компьютер теперь играет сердитую поп-музыку, знак того, что дела пошли плохо. Иногда она говорит ему: ты проиграл? Он стервенеет, он говорит, что это так не бывает. Сегодня проиграл, завтра выиграл. Как он может проигрывать или выигрывать снова и снова те же самые восемь тысяч фунтов? Единственное наследие Ли от Ханвеллов – их накопления. Деньги сами по себе стали философской категорией, категорией, которую материалист Ханвелл (который держал настоящие бумажные деньги в картонной коробке и комоде черного дерева) никогда бы не смог понять. Да и Ли не особо это понимает. Она сидит на стуле в открытой двери между кухней и садом. Пальцы ног в траве. Небеса пустые и безмолвные. Яростные звуки доносятся из радиоприемника соседей: мне, чтобы вернуться из Сингапура, потребовалось пятьдесят два часа! Новый старый урок о времени. Брокколи поставляют из Кении. Кровь необходимо транспортировать. Солдатам нужны припасы. Значительная часть С-З на Пасху отправилась отдохнуть, взяв с собой своих малюток. Может, они никогда не вернутся. Мысль, на которой можно куда-нибудь уплыть.

Нед спускается по кованым ступенькам, глядя в небо.

– Вот уж странно.

– А мне нравится. Я люблю, когда тихо.

– А меня пугает до смерти. Как «Кокон»[7 - «Кокон» (1985) – фантастический фильм режиссера Рона Ховарда.].

– Ну не взаправду же.

– Город был абсолютно пуст. Арбус[8 - Имеется в виду Диана Арбус (1923–1971) – американский фотограф, один из столпов документальной фотографии.] у Портретной галереи без всякой толпы. Обалдеть. Вот это настоящее.

Ли уступает долгому возбужденному описанию Неда. Она завидует его эмигрантскому энтузиазму в отношении города. Он не бессмысленно проводит время с бывшими соотечественниками в пригородных анклавах за пивом и смотрением регби: он делает все, чтобы их избегать. Восхитительно. Ходит по городу один, выискивает всякие странности, разговоры, кинопоказы, выставки,

отдаленные парки, таинственные бассейны. Ли, родившаяся и выросшая здесь, никогда никуда не ходит.

– на самом деле о целостности это типа, типа, типа идеи? Вынос мозга. Умираю с голоду. Пойду приготовлю себе макароны с соусом песто. Слушай, я тебе оставлю парочку, чтобы не скучала.

Он кладет на подоконник три штуки, уже скрученные. Она смотрит на них, лежащих на плоскости ее ладони. Первую выкуривает быстро до оранжевого картонного фильтра. Олив гоняется, шурша среди теней. Потом вторую. Окна наверху открыты: Глория кричит на своих детей. Вы моя не слушай! Моя нет время вам весь день повторять одно самое сто рас! Ли зовет Олив, и та возвращается вприпрыжку, Ли сгребает ее обеими руками. Замшевая кожа. Хрупкая маленькая грудная клетка с промежутками под каждый палец. Негоже так сильно любить собаку, говорит Мишель, который сворачивал шеи курицам, перерезал горло козлу. Горлышко Олив между руками Ли – неужели ребенка держат с большей нежностью? После Олив легко поверить, что у животных есть разум. Даже испускающие пузырьки крабы у торговцев рыбой приобрели трагический вид. Да, она все еще продолжает есть их. Ну и чудовище же она. Ох, щас спущусь к вам ухи драть. Она курит третью.

Темнеет понемногу, а потом резко. Китайские фонарики, свернутые, как в годы студенчества, на яблоне. Контактные линзы такие сухие, что больно смотреть. За яблоней – ограда, железнодорожная ветка, Уиллзден. Номер 37. Оттуда к ней приходит отец. Он подходит не ближе, чем погибший розовый куст Неда. На нем шляпа.

Как твоя собачка, спрашивает он.

Ли обнаруживает, что может ответить отцу, не открывая рта. Она рассказывает ему обо всех мелочах, которые делала Олив после его смерти в прошлом ноябре, обо всем-всем, о самом маленьком! Его занимают даже мельчайшие подробности собачьего дня. Он говорит, ах, зайка, какая зайка, и стряхивает крошки со своего жалкого синего кардигана. Одет он точно так, они одели его в гроб, вот только такой трилби она прежде не видела, а это единственное название, которое знает Ли для старинных шляп. У него белое пятно на бедре, словно сперма, засохшая на рубчике выцветших коричневых брюк – никто не озаботился их почистить. Эти хорошенькие медсестры-украинки, которые никогда надолго не задерживаются.

Там дальше нет уже ничего, кроме чертовых лис, печально говорит Ханвелл.

Это и вправду настоящая эпидемия. То есть они всегда здесь были и в такой же численности, как теперь, но теперь это называют эпидемией. Недавний заголовок в «Стандард»: ЛИСЬЯ ЭПИДЕМИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ. И фотография мужчины, стоящего на коленях в саду, а вокруг – тела застреленных им лис. Десятки, десятки и десятки лис. Десятки и десятки! – говорит Ли, и вот как мы теперь живем, защищая наш маленький пятачок, но прежде было не так, а теперь все изменилось, ведь изменилось, так люди говорят, все изменилось. Колин Ханвелл пытается слушать. Лисы, вообще-то, его не интересуют, не интересует его и то, что они могут собой символизировать.

Да, я понимаю, откуда взялось такое впечатление, говорит Ханвелл.

Что?

Я говорю, понимаю, откуда возникло это впечатление, то, как ты поживаешь.

Что?

Если ты скажешь мне, что счастлива, говорит Ханвелл, значит, ты счастлива, и говорить тут не о чем.

Разговор как-то беспорядочно переходит на другие предметы. Ты никогда не забираешь свои наволочки из прачечной. По-настоящему важно то, что шеф Морин[9 - Морин Хоменик – знаменитый американский повар, которая предлагает множество рецептов своим зрителям и пользуется популярностью не только в Америке.] позволяет тебе есть замороженные лазаньи без пшеничной составляющей, тогда как другие игнорируют рекомендованную им диету и как следствие имеют кровь в говне, конвульсии и непрекращающуюся икоту. Да, снисходит Ли, да, папа, наверное. Наверное, срать кровью похуже символов, печали и глобальной ситуации. Ты не можешь так говорить с докторами, шепчет Ханвелл, тебя могут услышать, никогда не знаешь, когда они подкрадываются.

Ли начинает чувствовать, что она контролирует ситуацию и может обратить то, что осталось от этой встречи, себе на пользу. Она начинает провоцировать отца на всякие высказывания, направляет его, двигает его руками и манипулирует

выражениями сначала нечаянно, а потом намеренно, и он говорит, я тебя люблю, ты это знаешь. А потом: детка, ты знаешь, я тебя всегда любил. И: я тебя люблю, не волнуйся, здесь хорошо. И даже: я вижу свет. Спустя какое-то время вид у него становится странный, и Ли, устыдившись, прекращает. Но он все же еще остается и таким образом препятствует прелестной вероятности безумия, такая милая забота. Если бы у нее не было этой рутины с делами, арендой, мужем и работой, то она сошла бы с ума! Почему не сойти с ума?!

И не забудь запирать калитку давлением воды, когда газ горячий в духовке крана, чтобы выключить, когда ты оставляешь его только с красным луком и щепоткой корицы, а потом возвращаешься, прежде чем тебе надобится микротакси – не пьяная, советует Ханвелл.

Она не может заставить его подойти поближе. Но кажется, будто его рука в ее руке, а его щека прикасается к ее, и Ли целует его руку, чувствует его слезы на своем ухе, потому что он всегда такой сентиментальный старый дурак. Она сжимает его руки в своих. Они сухи, как осень. Она чувствует тестообразную плоть незаживающей раны в центре его руки, она не излечивается, потому что в определенном возрасте такие вещи не излечиваются. Рана синюшная и теперь наполняется кровью, а поцарапал всего ничего, незаметно совсем, много-много месяцев назад о край игрового стола в клубе. Кожа отошла, они закатали ее назад и приклеили на место. И, несмотря ни на что, в прошлом году она оставалась синюшной и наполненной кровью.

Па! Не уходи! говорит Ли.

А я должен куда-то идти? говорит Ханвелл.

Компьютер свободен, говорит Мишель.

14

Огромный холм оседлывает С-З; он возвышается в Хэмпстеде, Западном Хэмпстеде, Килбурне, Уиллздене, Брондсбери, Криклвуде. Он не чужой в мире литературы. Женщина в белом поднимается по одному склону, чтобы встретить на другом Джека Шеппарда[10 - Действие романа Уилки Коллинза «Женщина в белом» начинается в лондонском предместье – Хэмпстеде. Джек Шеппард

(1702–1724) – английский разбойник, грабитель и вор начала XVIII века, живший и действовавший в Лондоне.]. Иногда так далеко на запад и север заглядывает даже Диккенс, чтобы выпить пинту или похоронить кого-нибудь. Послушайте, там, на библиотечном ковре между научной фантастикой и местной историей, – презерватив, наполненный спермой и завязанный узлом. Раньше здесь были только фермы и поля, загородные виллы, кивающие друг другу с хребта этого холма. Их сменили железнодорожные станции, стоят на расстоянии полумили друг от друга.

Уже прошло больше месяца с того дня, когда к дверям пришла та девица, – в конце мая. Конские каштаны отлично выглядят в своей кустистой полноте, хотя все знают, что деревья болеют. Ли находится по одну сторону хребта Брондесбери, она поднимается в сиянии, не зная, кто поднимается ей навстречу. Она так удивлена, что обращается к рефлекторной эмоции: презрению. Искоса смотрит на девицу, как смотрят дети в школе. Столько времени прошло и так близко к лицу Шар – этот жест оказывается более агрессивным, чем предполагалось. Эх, если бы здесь был Мишель! Но Мишеля здесь нет. Ли в последнюю секунду пытается в последний раз отступить в сторону, надеясь пройти мимо. Маленькая рука хватает ее запястье.

– ОЙ. ТЫ.

Голова у нее не покрыта. Густые черные волосы ниспадают повсюду. Между маскировочными прядями Ли видит катастрофический фиолетовый желтый черный глаз. Из него струится вода, слезы или что-то еще непроизвольное. Ли пытается что-то сказать, но только заикается.

– Чего тебе от меня надо? Что я должна тебе сказать? Я тебя ограбила? Я наркоманка. Я украла твои деньги. Довольна? ДОВОЛЬНА?

– Дай я тебе помогу, может, получится… есть места… где помогают.

Ли воротит от собственного голоса. Какой он слабый! Словно мольба ребенка.

– Нет у меня твоих денег, поняла? У меня проблема. Ты понимаешь, что я говорю? НЕТ У МЕНЯ ДЛЯ ТЕБЯ НИ ХЕРА. Ты мне в жопу не нужна, и твой этот хер мне мозги ебать каждый ебаный день тоже не нужен. Указывает, орет. Если честно, мне это уже просто остоебенело. Чего тебе от меня надо? Чтобы я на

колени встала?

– Нет, я… Я могу тебе помочь как-нибудь? Сделать для тебя что-нибудь?

Шар стихает, пожимает плечами, поворачивается, идет, пошатывается, чуть не падает. На ее хорошеньком лице закатываются глаза. Ли протягивает руку, чтобы поддержать ее. Шар грубо отталкивает.

– Возьми номер моего телефона. Пожалуйста. Я тебе запишу. Я работаю кое с кем, связи, много пожертвований, ну, через работу, ты понимаешь, это может быть…

Ли засовывает смятый конверт в карман Шар. Шар хватает пальцами лицо Ли.

– Не могу я больше. Не могу это взять.

Ли провожает Шар взглядом – та на нетвердых ногах переваливает через вершину и исчезает.

15

В автобусе маршрута 98 напротив сидит женщина с маленькой девочкой на коленях. Она показывает ребенку пачку развивающих открыток. Слон. Мышка. Чашка чая. Солнышко. Лужок с мумуками. Ребенку особенно нравится открытка с лицом человека. Это единственная открытка, к которой она тянется, хихикая. Умница Лусия! Ее толстые пальчики хватают открытку. Потом она с таким же остервенением хватает лицо матери. Нет, Лусия! Ребенок грозит расплакаться. Некоторые вещи – это люди, объясняет ей мать, а некоторые вещи – картинки, некоторые вещи твердые, а некоторые мягкие. Ли смотрит в окно. Дождь безжалостный. Самолеты вернулись в небо. Работа есть работа. Время перестало быть необъяснимым. Оно снова стало просто временем. Она взяла кое-какие книги с работы, из шкафа с литературой. Профессиональные организации предлагают профессиональную помощь. Это «все, что в твоих силах». Теперь наркоманам пришло время «самим принимать решения». Все говорят одно и то же. Все говорят одно и то же на один манер. Ли выходит на Уиллзден-лейн и сразу же идет быстрым шагом, но автобус подъезжает к ней и останавливается. Весь нижний этаж становится зрителями, когда она перевешивается через

ограду у церкви. Рвет ее в основном водой, неотличимой от дождя. Эту церковь ее детства, где она была субботней брауни[11 - Брауни – детская организация для девочек от 7 до 10 лет.], переделали в апартаменты класса люкс, каждый имеет свою частичку изысканного витража. Собрание маленьких спортивных машин стоит перед церковью там, где раньше было кладбище. Автобус плетется в сторону шоссе. Она выпрямляется, отирает шарфом рот. Быстро идет, сжимая в одной руке идиотский зонтик, и дождь капает ей в рукав. Номер 37. У почтового ящика она быстро просматривает брошюрки, как послушная девочка, и прежде чем засунуть письма в щель, еще раз их проверяет.

37

Она надеялась найти другой метод. Бабушкино средство, которое можно потихоньку применить дома, состряпав его из доступных веществ в ванной. Все остальное обойдется слишком дорого. Все остальное отразится на их общем банковском счете. В Интернете она находит только моралистов и никаких практических советов, кроме старых страшилок из донравственного прошлого: ванна с джином и шляпные булавки. У кого сейчас есть шляпные булавки? Вместо этого она здесь, со старой кредиткой времен учебы в колледже. Странное место. Никакое. Мог быть дантист, мануальный терапевт. Частная медицина! Роскошные диваны, кофейные столики со стеклянной столешницей, приватность. Никаких записей в журнал. Никто не спросит:

А. Решение пойти на эту процедуру ваше собственное?

Б. Есть кто-нибудь, кто бы отвез вас домой после процедуры?

Тут есть девица, которая спрашивает у нее, не хочет ли она стакан воды, как собирается платить. Это всё. Деньги позволяют избежать отношений, обязательств. Тут все по-другому. Когда ей было девятнадцать, университетская медсестра все ей устроила. Она сидела на краешке больничной кровати с милосердной бывшей любовницей, обе в летних юбках, болтали ногами, как маленькие девочки, которых отругали родители, и больше всего их интересовало, как действуют анестетики.

– Мне казалось, он будто держит меня за руки и говорит десять, девять, восемь – и в следующую секунду – в следующую секунду – это уже сейчас, ты целуешь меня в лоб.

– Два с половиной часа прошло!

В своем роде откровение бо?льшее, чем путаные лекции о сознании, Декарте, Беркли.

Десять, девять, восемь…

Прошло два с половиной часа!

Ни одна книга не смогла бы ее убедить так, как ее убедил тот день. Десять, девять, восемь… небытие. Милосердная девица! Она сделала больше, чем от нее требовалось. Вот одно из преимуществ женской любви, того, что тебя любят женщины: они всегда делают гораздо больше того, что требует от них долг. Десять, девять, восемь. Возвращение к жизни. Поцелуй в лоб. И еще полустертая детская переводная картинка на стене перед ее глазами. Тигра, Кристофер Робин и Пух, все без голов. Свободная кровать в детской палате? Она помнит только десять, девять, восемь – безболезненная репетиция смерти. Полезно вспоминать в мгновения смертельного страха. (В маленьких самолетах, на больших глубинах.) В тот раз у нее была двухмесячная беременность. В этот раз – два месяца и три недели.

Секретарша, прихрамывая, шагает по комнате. Вывих лодыжки, трепыхается грубый белый бинт. Ли краснеет. Она стыдится перед воображаемым «некто», которого не существует в реальности, но который наблюдает за нашими мыслями. Она укоряет себя. Конечно, речь не шла о ее несуществовании, а о несуществовании другого. Конечно. Да, вот что я, конечно, имела в виду, о чем я хотела думать. О таких вещах думают нормальные женщины.

– Миссис Ханвелл? Не спешите, пожалуйста.

– Не имеет отношения? Ты это о чем? Как ты могла рассказать мне эту историю и не упомянуть головной платок?

Натали смеется. Фрэнк смеется. Мишель смеется громче всех. Он немного пьян. Не только от просекко в бокале. От величия этого викторианского дома, от размеров сада, от того, что он знаком с барристером и банкиром, от того, что он должен находить забавным то, что они находят забавным. Дети как сумасшедшие носятся по саду, смеются, потому что смеются все остальные. Ли смотрит на Олив, гладит ее со страстью, пока собака не одуревает от ласк и не соскальзывает с рук. Она смотрит на свою лучшую подругу Натали Блейк и ненавидит ее.

– Ли… вечно пытается спасать кого-нибудь.

– Разве это не твоя работа?

– Защищать кого-то вовсе не то, что спасать. И вообще, я в последнее время в основном занимаюсь рекламой.

Натали вскидывает одну голую ногу на другую. Длинные, черные, как ночь, скульптурные ноги. Наклоняет голову прямо к солнцу. Фрэнк делает то же самое. Они в профиль похожи на короля и королеву с древней монеты. Ли должна держаться тени чего-то, что Фрэнк называет садовой беседкой. Две женщины прищуриваются, глядя друг на дружку над простором хорошо ухоженного газона. Они раздражают друг друга. Они весь день раздражали друг друга.

– Я все время наталкиваюсь на нее.

– Наоми, прекрати.

– Она училась с нами в школе. В это трудно поверить.

– Правда? Почему? Наоми, прекрати это. Отойди от барбекю. Это огонь. Иди сюда.

– Не бери в голову.

– Извини, повтори, пожалуйста. Я слушаю. «Шар». Я совсем не помню такого имени. Может, это было во время нашего разрыва? Ты тогда встречалась со множеством людей, которых я никогда не знала.

– Нет, в школе я ее не знала.

– Наоми! Я не шучу. Так подожди: в чем вообще проблема?

– Нет проблемы. Никакой.

– Просто, по большому счету, это не очень…

– Сказала она и осеклась.

– Что? Наоми, иди сюда!

– Ничего.

Приходит с бутылкой Фрэнк, он в такой же степени искренен с Ли, в какой его жена бесцеремонна. Его лицо совсем рядом. От него пахнет дорогим парфюмом. Ли откидывается назад, чтобы ему было удобнее налить.

– Почему так получается, что все, кто учился в твоей школе, – криминальные наркоманы?

– Почему все, кто учился в твоей, – министры от тори?

Фрэнк улыбается. Он красив, его рубашка идеальна, его брюки идеальны, его дети идеальны, его жена идеальна, в руке у него – идеально охлажденный бокал просекко. Он говорит:

– Наверное, хорошо, когда можешь у себя в голове вот так вот разделять мир на две части.

– Фрэнк, прекрати дразниться.

– Ли не обиделась. Ты ведь не обиделась, Ли? Конечно, я уже разделен на две части, так что, представь себе, мне трудно думать таким образом. Когда у вас, ребята, появятся дети, они поймут, о чем я.

Теперь Ли пытается посмотреть на Фрэнка так, как, кажется, хочет он: как на проекцию некоего будущего для нее и для Мишеля. Цвет кофе, веснушки. Но если не говорить о капризах генетики, Фрэнк ничуть не похож ни на Ли, ни на Мишеля. Один раз она видела его мать. Елену. Она жаловалась на провинциализм Милана и советовала Ли покрасить волосы. Фрэнк принадлежит другому срезу мультивселенной.

– Моя теща в мудрости своей говорит, если хочешь узнать истинное различие между людьми, проведи тест патронажной сестры. Позвони в дверь, и, если люди внутри лежат на полу при выключенном свете, ничего хорошего от них не жди!

Мишель говорит:

– Не понимаю. Что это значит?

Натали объясняет:

– Люди иногда не хотят открывать дверь Марсии, они опасаются, что это связано с социальной работой или с органами социального обеспечения. Они преимущественно хотят исчезнуть с глаз. Если моя мать когда-нибудь позвонит в ваш звонок, бога ради, не валяйтесь на полу.

Мишель серьезно кивает, принимает этот совет близко к сердцу. Он не может воспринимать это так, как воспринимает Ли. То, как Натали постукивает пальцами по садовому столику и, говоря, смотрит на небо. Он не видит, что мы досаждаем им, и они хотят освободиться от нас, от этого старого обязательства.

Он никак не затыкается, он говорит:

– Эти люди, они лежат на полу. Они живут на Ридли-авеню. И как мы понимаем, все они вместе живут в незаконно захваченном доме на Ридли-авеню, возможно, четверо или пятеро девиц, которые работают на улице, подходят к дверям,

звонят, и еще мы думаем, что несколько парней тоже. Может быть, сутенеры. Ты с этим каждый день сталкиваешься. Чего я говорю, ты и сам все знаешь. Каждый, каждый день таких людей видишь, да? В суде.

– Мишель, дорогой… Это все равно что на вечеринке спрашивать у доктора о родимом пятне у тебя на спине.

Мишель всегда говорит искренне, и странно, что именно это его свойство (которое Ли очень ценит, когда они вдвоем) так смущает ее на людях. Нат следит за движениями Спайка, который топчется на клумбе. Теперь ее внимание возвращается к Ли, и Ли принимает меры: безмятежная, чуть величественная. Неискренняя.

– Нет, мне интересно, продолжай, Мишель, извини.

– Этот другой, этот парень, он тоже из вашей школы. Он несколько недель назад попросил у нее денег на улице.

– Нет, все было не так! Он говорит о Натане Богле. Он продавал проездные. Вы знаете, как он это делает, вы видели, как он это делает в Килбурне, иногда Уиллздене?

– М-м-м.

Ли краснеет. Унизительно вызывать такое количество безнадежной скуки у старой подруги. Она вынуждена называть старые имена и лица в попытке разбудить ее интерес.

Фрэнк говорит:

– Богл? Это тот, который получил срок за импорт героина?

– Нет, это был Робби Дженнер. Он на год младше. Богл этим не занимался. Он ушел из школы, чтобы стать футболистом. Спайк, пожалуйста, не делай этого, детка.

– И что? Стал футболистом?

– Что ты спросил? О нет. Нет.

Вероятно, и Брейтон для нее больше не существует. Все прошло, осталось позади. Она, вероятно, так же удивляется тому, что училась в Брейтонской школе, как Брейтонская школа удивляется тому, что Нат вышла из ее стен. Нат – та девочка, одна из немногих из их дурдома в тысячу детей, кто преуспел, может, слишком, если вспомнить, откуда она. Чтобы жить вот так, ты должна забыть все, что было раньше. Иначе как вообще с этим справиться?

– Он был милым мальчиком. Его мать была сент-лушка. Или сент-лушианка?[12 - Имеется в виду Сент-Лу-стрит в Северо-Западном Лондоне.] Все наши матери знали друг друга. Такой хорошенький и такой озорник. Играл на барабане? Довольно неплохо. Он сидел рядом с Кейшей. Когда она была Кейшей. Я тогда очень ревновала, когда мне было восемь. Правда, Кейша?

Натали кусает ноготь, она ненавидит, когда ее дразнят. Она не любит, когда напоминают о ее собственной непоследовательности. Ли позволяет себе надавить чуть посильнее: лицемерие. Ли проходит мимо того места каждый день по пути в магазин на углу. Она видит его со своего заднего двора. Нат живет достаточно далеко, чтобы там не появляться. В любом случае все встречи происходят здесь, в доме Нат, потому что – а почему нет? Вы посмотрите на этот прекрасный дом! Ли краснеет, когда нехорошие слова лезут ей в голову, слова, произнесенные Шар: кокосовый орех. А потом говорит Мишель и находит идеальные слова:

– Ты изменила имя. Я забываю, что ты это сделала. Это типа: «Одевайся для той работы, которую ты хочешь, а не для той, которую имеешь». То же и с именами, насколько я понимаю.

Но для Ли это теряет всякий смысл, в особенности из-за удручающего «насколько я понимаю», он эти слова говорит только здесь, в этом доме, и это неловко. Натали широко открывает глаза. Она пытается изменить тему, в чем, кажется, ей всегда помогают дети.

– Мишель, ты мне тут можешь помочь: что мне с этим делать?

Нат хватает две жмени волос Наоми и демонстрирует колтуны, пытаясь пропустить пальцы через это гнездо, а девочка корчится под ее руками.

– Она не дает мне к ним прикоснуться, значит, мне следует отдать эту красоту тебе, чтобы ты сбрил наголо, ладно? Она сможет прийти в салон завтра, найти тебя и вернуться уже без своих колтунов.

Наоми вскрикивает. Мишель отвечает на вопрос добрым голосом, осторожно, искренне. Не советуя прибегать к радикальным действиям, рекомендует питательный лосьон для волос и кокосовое масло. Хотя он и провел в стране столько лет, английская склонность к ироническому детомучительству так и осталась ему чуждой. Яркая улыбка остается приколотой к лицу Нат.

– Ну-ну, ну-ну, Наоми. НАОМИ. Мама только шутит… Никто не собирается… заплести косичку вечером – это должно пойти на пользу, спасибо, Мишель…

Фрэнк говорит:

– В моей школе не было ничего похожего на «школьные каникулы». Моя мать никогда меня не видела раньше, чем на Рождество.

Его жена печально улыбается и целует его в щеку.

– Да наверняка были у вас каникулы. Я знаю твою мамочку – она просто никогда за тобой не приезжала.

Ни капли не смешно, говорит Фрэнк. Очень смешно, говорит Натали. Ли кусает губу и смотрит, как Нат принимает гирлянду из маргариток, начатую Наоми. Она разрезает стебель ногтем большого пальца, вплетает следующую маргаритку.

– В любом случае я никогда не пошлю моих детей в школу-интернат. Чтобы они там были совсем одни в классе из тридцати белых детей. Нужно быть совсем сумасшедшей.

– Наших детей. Из двадцати. Мне это никак не повредило.

– Ты носишь мокасины, Фрэнк.

Ничего смешного, говорит Фрэнк. Очень даже смешно, говорит Натали. Ли часто хочется поставить диагноз этой парочке – что-то дурное, опасное, – но пациенты настаивают на своем праве выпрыгивать из кроватей и отпускать шутки. Целовать друг друга в щечку.

– Ты ее ломаешь!

Ли смотрит на гирлянду из маргариток. Наоми права: Нат гирлянду сломала. А теперь Спайк доканчивает то, что она начала, – выхватывает гирлянду и разбрасывает обрывки по лужайке. Поднимается ор. Ли напускает на лицо улыбку, обозначающую, что она восторгается детьми. Фрэнк встает и двумя руками загребает себе под мышки лягающихся детей.

– Они отправятся в церковную школу за наши грехи.

По умолчанию в присутствии Ли Фрэнк становится пародией на самого себя. Ли дает ему отпор, изображая невинность, вынуждает его расшифровывать все, что он пытается сказать завуалированно.

– В церковную школу? Уже?

Натали говорит:

– Это все смешно – школа бесплатная, но нам явно нужно начать ходить в церковь. Приложить усилия сейчас. Иначе они нас не примут. Только туда, где не нужно слишком напрягаться. Полин у тебя куда ходит?

– Мама? Ну, она ходит, наверное, раз в месяц. Какого-то святого, не знаю. Спрошу, если хочешь.

Фрэнк отпускает своих детей и вздыхает.

– А ваша очередь разве уже не скоро?

На это отвечает Мишель. Это его тема, его царство. Теперь начинается разговор о содержимом тела Ли и о том, что (если бы к Мишелю прислушивались) у него –

тела – было бы гораздо больше дел в последние несколько лет. Ли сосредоточивается на Натали. Она здесь своим телом, но где ее мысли? На работе? Заняты какой-то пленительной внебрачной связью? Или ждет не дождется, когда уйдут эти люди, чтобы она могла вернуться к настоящей жизни, семейной жизни?

– Черт! Банановый хлеб. Забыла совсем. Наоми, ну-ка помоги мне его подать.

Ли смотрит на Натали, которая шагает на свою замечательную кухню со своим замечательным ребенком. Все за этими стеклянными дверями полной чашей и значимо. Жесты, взгляды, разговор, который невозможно подслушать. Как это ты умеешь наполнять чашу? И наполнять только значимыми вещами? От всего остального Нат каким-то образом умеет избавляться. Она взрослый человек.

Как тебе это удается?

– Ну… Мишель. Так как у тебя идут дела? Давай-ка устроим небольшой апдейт. Как твой парикмахерский бизнес? Что, люди все еще в тисках… плохой экономики?

На лице Фрэнка легкая паника, оттого что жена оставила его одного с этими странными гостями.

– Вообще-то, Фрэнк, я перемещаюсь в твою область. В некотором роде.

– В мою область?

– Внутридневная торговля. По Интернету. После нашего с тобой последнего разговора, ты помнишь, я купил книгу и…

– Ты купил книгу?

– Руководство… и я уже пробовал сам понемногу. Так, для начала.

Судя по лицу Фрэнка, ему требуются дальнейшие пояснения, он чувствует какой-то подвох. Это очень легкая форма унижения, но она все же будет передана от Мишеля Ли в какой-нибудь преобразованной форме, типа

превращения жидкости в газ. Сегодня вечером или завтра, во время спора, в постели.

– Ну, отец Ли оставил ей, нам, немного.

– О, здорово! Немного – это хорошее место, откуда можно начать. Но только послушай, Мишель, я не хочу нести ответственность, если ты потеряешь последнюю рубашку… Я работаю на серьезного человека, и у нас есть что-то вроде сети безопасности, но что касается индивидуальных продавцов, то, знаешь, стоит помнить, что…

Ли громко вздыхает. Она знает, это ребячество, но ничего не может поделать. Фрэнк поворачивается к Ли с умиротворяющей усталой улыбкой. Он прикасается исправляющим пальцем к ее плечу, тук-тук.

– Мишель, я только собирался сказать, что стоит подписаться на один из сайтов, какой-нибудь «Тудей Трейдер» или что-то в этом роде, поначалу играть фальшивыми деньгами, чтобы почувствовать, что к чему…

– Извините меня, но, кажется, Олив хочет посрать, а я не хочу, чтобы она это делала на вашем идеальном газоне.

– Ли.

– Нет-нет-нет, все в порядке. Мишель, мы знаем друг друга сто лет, Ли и я. Я привычен к ее приколам. Спайк, почему бы нам не выгулять Олив, прежде чем она доберется до дома? Давай-ка пойди найди мешочек.

Ли и Мишель остаются сидеть на траве, скрестив ноги, как дети. В этом доме она чувствует себя ребенком. Рецепты тортов и пышные ковры, декоративные подушки и обитые специально подобранной тканью стулья. Здесь ни одного дивана-кровати. Все вдруг выросли. Пока она только собиралась, все выросли и стали тем, кем хотели.

– Почему ты все время обходишься со мной, как с идиотом?

– Что?

– Я задаю тебе вопрос, Ли.

– Я не хотела. Просто я не выношу, когда он говорит с тобой свысока.

– Он не говорил свысока. Ты говорила.

– Кто она такая? Кто эта личность? С этим ее буржуазным существованием!

– Буржуазным, буржуазным, буржуазным. Думаю, это единственное французское слово, которое ты знаешь. Ты превратилась в одну из англичанок… которые ненавидят всех своих друзей.

Из стеклянной двери вновь появляется Фрэнк. Будь он наблюдательнее, он мог бы почувствовать, что гости пребывают в настроении кукольных персонажей Панча и Джуди, которых обуяли отвращение и ярость по отношению друг к другу. Но Фрэнк не очень наблюдательный, и когда он поднимает глаза, они снова то же, кем кажутся и всегда, – счастливая влюбленная пара.

– Ты не знаешь, где поводок?

Из-за его спины появляется Нат, вид у нее безмятежный, непроницаемый. Наоми держится у ее ноги как младенец, которым она давно уже перестала быть. Непокорные кудри торчат во все стороны. Ли смотрит на Мишеля, который наблюдает за ребенком. На его лице написана глубочайшая грусть.

17

– Тетя Ли! Тетя Ли! Мама говорит ПОТИШЕ.

Ли останавливается, оглядывается. Не видит никого, потом из-за угла появляется Нат, театрально дышит. Коляска пуста, Спайк у нее на руках, Наоми держится за ее футболку. Гулливер, которого лилипуты вот-вот пригвоздят к земле.

– Ли, ты уверена, что мы туда пришли? Мне так не кажется.

– В конце этой дороги. По карте она типа заворачивает и соединяется сама с собой. Полин сказала, ее трудно найти.

– Я вижу мировой суд и… поворот? Дети, держитесь рядом, не отставайте. Это все равно как жесткая обочина на шоссе. Кошмар. «Жареная курочка Кеннеди»[13 - Заведения быстрого питания в США и Великобритании, специализируются на блюдах из курицы, часто принадлежат выходцам из Афганистана.]. Польский бар с бассейном. Эйфорический массаж. Хорошо, что мы выбрали живописный маршрут. Это уже наверняка не Уиллзден. Похоже, мы уже в Низдене.

– Церковь – вот почему это все еще Уиллзден. Она определяет рамки прихода Уиллзден.

– Да, но где она? И как Полин вообще сюда добирается?

– Автобусом, наверное. Не знаю.

– Кошмар.

Дорога петляет. Они оказываются на узкой асфальтированной дорожке с бетонным ограждением в конце, подхватывают детей, когда мимо в разные стороны проносятся машины. Справа закрытый молл и бизнес-центр, изначально плохо спланированный, и там, и там пусто, окна через одно разбиты. Слева поросший травой островок, примыкающий к дороге с двусторонним движением. Его планировали как зеленый оазис, а образовалась стихийная свалка. Матрас, напитавшийся водой. Перевернутый диван с раскромсанными подушками, в грязных пятнах. Предметы более эксцентричные, наводящие на мысль о спешно оставленной жизни: половинка скутера, обезглавленная настольная лампа, дверь машины, вешалка для шляп, свернутый в рулон линолеум, которого вполне хватило бы для покрытия пола ванной.

Выбрав момент, они, словно одно животное, бросаются в промежуток между машинами на другую сторону широкой дороги, потом отпускают друг друга, тяжело дышат, стоят, уперев руки в колени. Получив совет «не напрягаться» в следующие сорок восемь часов, Ли чувствует головокружение, медленно поднимает голову и первым делом замечает ее: древние бойницы и башня, они видны над ветвями высокого ясеня. Еще двадцать ярдов – и пейзаж открывается

перед ними во всей своей невозможности. Маленькая деревенская церковь, средневековая деревенская церковь, словно на вечной стоянке на полуакре земли в центре кругового разъезда. Не в свое время, не на своем месте. У восточного окна – вишня. Низкая кирпичная стена обозначает древнюю границу – защищает не больше, чем кольцо маргариток. Двери семейных склепов сорваны с петель. Множество надгробий с яркими надписями. Ли, Нат и дети проходят в кладбищенские ворота, останавливаются под колокольней. Голубой циферблат часов сверкает на солнце. Утро, половина двенадцатого в другом веке, в другой Англии. Нат полоской муслина отирает лоб от пота. Дети, до этого шумевшие и жаловавшиеся на жару, затихают. Тропинка петляет по тенистому кладбищу, викторианские камни – это всего лишь последний слой мертвецов. Натали маневрирует с коляской по неровной земле.

– С ума сойти. Никогда прежде этого не видела. А мимо проезжала раз сто, наверное. Ли, у тебя есть эта штука с водой? Вероятно, Полин это потому так и нравится. Потому как оно такое старое. Потому что в старом можно быть уверенным.

Ли складывает руки под животом и превращается в свою мать, на ее лице появляется материнское выражение: губы оттянуты, веки хлопают, протестуют против пылинок мира и их намерения залететь в глаза Полин. Посреди глотка Натали начинает дико смеяться, отчего проливает воду на грудь.

– Я бы не стала любить более новые церкви, ни за что. Я бы не помирала при их виде. Если ты можешь быть увереннее в старых, значит, можешь.

– Прекрати, я умру со смеху. Я здесь всю жизнь прожила, а даже не знала, что тут есть такое место. Все эти годы ходила с Марсией в эту консервную банку пятидесятников, а ведь мы могли бы ходить сюда. Кейша, теперь послушай меня. Я хочу, чтобы святой дух Господень снизошел на всех нас.

Они могут высмеивать своих матерей, но они не могут разрушить мрачное очарование этого места. Дети осторожно ступают между могил, они хотят знать, правда ли у них под ногами лежат мертвецы. Ли ускоряет шаг, сходит с тропы в высокую траву, оставляя Нат уворачиваться от вопросов своего выводка о разнице между недавно умершими и давно умершими. Ли разводит руки в сторону. Ее пальцы касаются верхушек более высоких памятников, разбитой каменной урны, крошащегося креста. Вскоре она уже за церковью. Вокруг немыслимые прошлые толпы, едва различимые на горестно наклонившихся

стертых камнях. Смерть детей и роковые тюремные сроки. Война и болезни. Массивные таблички, заросшие плющом, покрытые лишайником, пятна желтой плесени и мха.

Эмили У… этого прихода была взята из мира сего

на ее тридцать… год жизни в год господа бога нашего в тысяча восемьсот… седьмой,

оставив шестерых детей и мужа Альберта,

который вскоре присоединился к ней в этой…

Марион… из этого прих…

Умерла 17 декабря 1878 года в возрасте 2… лет

А также Дора младенец доч… вышеназванной

умерла 11 декабря 1878

Не напрягайтесь в следующие сорок восемь часов.

На этом безжалостном солнце

Не напрягайтесь, Ли Ханвелл этого прихода,

Единственная дочь Колина Ханвелла, также из этого прихода.

Не напрягайтесь до конца своих дней.

Ли прислоняется к камню ее роста. Здесь три фигуры в горельефе, почти полностью стертом. Она вставляет пальцы в канавки, поросшие мхом. Дама в подобранной юбке прижимает что-то к телу, какой-то безликий комок, что-то, что, возможно, ей вручили; два мальчика во фраках тянутся к ней с обеих сторон. Она никто. Время стерло все подробности: ни лица, ни даты, ни имени, ни коленей, ни объяснения таинственного дара…

– Ли, все нормально?

– Жарко. Слишком жарко.

Они проходят внутрь сквозь тяжелые деревянные двери. Служба уже заканчивается. Странный аромат благовоний высокой церкви висит в воздухе. Они идут по периметру, избегая встречаться глазами с верующими. Здесь великолепная прохлада, лучше, чем от кондиционера. Натали берет листовку. Прирожденная самоучка, всегда тянется к знаниям. Все, наверное, определено их разрывом. Разрыв многое решил. Она стала Натали Блейк в той короткой паузе за долгую историю их отношений между шестнадцатью и восемнадцатью годами. Она занималась самообразованием в библиотеке Кенсала Райза, а Ли тем временем курила по три косяка в день, длинный, как жизнь. Натали всегда берет листовки, листовки и все остальное.

– Приход основан в 938 году… от первоначальной церкви ничего не осталось… нынешняя церковь построена около 1315 года… Отверстия от кромвелевских пуль в двери, оригинальное…

Наоми бежит вперед и забирается на купель (ок. 1150, пурбекский мрамор). Ли пытается удалиться туда, где не слышно лекции Натали. Служба заканчивается: прихожане тянутся к выходу. В дверях молодой викарий пытается заговорить с ними. Он, как нервная старуха, подносит руку к своей рыхлой талии, на его висок ниспадает прядь каштановых волос. У него лицо, которое надеется угодить, но из-за слабоволия не может. Он такой, каким был бы в 1920-м, или в 1880-м, или в 1660-м. Он все тот же, а вот его прихожане изменились. Поляки, индийцы, африканцы, жители Карибов. Взрослые в ярких одеждах – костюмы с блеском, обтягивающие платья с рынка. На мальчиках – полосатые костюмчики, девочки вцепились в крохотные испанские шали. Их волосы тщательно уложены, на висках завитушки. Прихожане сочувствуют викарию, полному мягких предложений. Посмотрим, получится ли у нас начать вовремя на следующей неделе. Все, что можете пожертвовать. Что угодно. Они улыбаются и кивают,

они не принимают его всерьез. Викарий тоже себя не слушает. Он сосредоточен на Ли, разглядывает ее над головами уходящей паствы. С востока – лучи света. Ли инстинктивно двигается в ту сторону, к монументу черного и белого мрамора, висящему на стене, из надписи на котором она узнает, что ОНА БЫЛА СЧАСТЛИВА СДЕЛАТЬ ЕГО БЛАГОДАРНЫМ ОТЦОМ 10 СЫНОВЕЙ И 7 ДОЧЕРЕЙ И ЕЕ ДОЛГ ПОСВЯТИТЬ ЭТОТ ПАМЯТНИК СОХРАНЕНИЮ ЕГО ПАМЯТИ. ОН УМЕР В 48 ЛЕТ. МАРТА 24, 1647. О Ней ничего более не сказано. Ли тянет приложить пальцы к буквам, измерить их холодок. Но Натали отговаривает ее, она говорит Спайку, чтобы он не разбрызгал святую воду УХ ТЫ этот скульптор ваял надгробье ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕРВОЙ нет дорогой не той она была королевой дорогой ДАВНЫМ-ДАВНО нет дорогой даже еще раньше но ты знал что когда-то это называлось УИЛЛЗДОН и значило добро значило весну у подножья холма там откуда эта вода Я СКАЗАЛА ПРЕКРАТИ ПЛЕСКАТЬ. Ли вдруг стала одолевать жажда, она сама сплошная жажда, она только жажда. Она становится на колени, чтобы осмотреть кран, читает табличку. НЕ ПИТЬЕВАЯ. Святая, но не питьевая.

– Мамочка!

– Нет, не мамочка. Это кто-то другой. «Считалась более сильной, чем традиционная мадонна, она наделена чудесной силой, включая дар наития, возвращения утраченных воспоминаний, воскрешения умерших младенцев…» Марсии это понравилось бы… иногда людям на церковном кладбище является ее образ. У Марсии всегда видения. Но обычно – видения белых мадонн со светлыми волосами в хорошеньких блузочках от «Мэндс»…

Как она прошла мимо? У нее за спиной – Мадонна из дерева, черной липы. Мадонна держит огромного ребенка в пеленках. «Младенец Иисус» написано на табличке, его руки вытянуты в обе стороны, «его руки несут благословение» написано на табличке, но Ли не видит в них никакого благословения. Скорее уж она видит обвинение. Младенец принял форму распятого, он имеет форму того предмета, который уничтожит его. Он тянется к Ли. Он тянется так, чтобы предотвратить любое бегство – направо или налево.

– «становится знаменитой святыней нашей церкви Уиллзденской Богоматери, «Черная Мадонна», уничтоженная во время Реформации и сожженная вместе с дамами из Уолсингема, Ипсуича и Вустера – лордом хранителем малой печати». Тоже Кромвель. Другой Кромвель. Не сказано. Вот где был бы полезен приличный уровень преподавания истории для госэкзамена… «с тех пор был святыней…» – так это, значит, оригинал? 1200-е? Не может быть. Очень хреново

написано, неясно какой… НАОМИ ОТОЙДИ ОТ

37

– Как же вы прожили всю жизнь на этих улицах и никогда меня не видели? Как долго, вы думаете, вам удастся меня избегать? Почему вы решили, что вы исключение? Неужели вы не знаете, что я здесь с тех самых пор, как люди начали взывать о помощи? Услышьте меня: я не похожа на льстивых бледнолицых мадонн, этих жеманных девственниц! Я старше этого места. Даже старше, чем вера, которая тщетно приняла мое имя! Дух этих буковых лесов и телефонных будок, живых оград и фонарных столбов, родников и станций метро, древних тисов и универсамов, пастбищ и 3D-кинотеатров. Непослушная Англия реальной жизни, животной жизни! Старой церкви, новой, времени до церквей. Тебе жарко? Уже слишком? Вы надеялись на что-то другое? Вас неправильно информировали? Неужели за этим было что-то большее? Или меньшее? Если мы назовем его иначе, исчезнет ли это невесомое ощущение? Ваши коленки подкашиваются? Кто вы? Хотите стакан воды? Падает ли небо? Можно ли было устроить мир по-иному, в другом порядке, в другом месте?

18

– Ой, я часто падала в обморок. Часто! Это было признаком хрупкой конституции, чувствительной, слегка артистичной. Но все тогда пошли в медсестры или секретарши, понимаешь? Просто так вышло. Мы не имели возможностей.

– Просто жарко было.

– Потому что у тебя немалый потенциал, нет, слушай, правда: рояль, магнитофон, танцы, эта штука с… с… как это называется, ну, ты знаешь – ваяние, тебе некоторое время нравились ваяние и скрипка – со скрипкой ты была просто чудо, и еще много всяких мелочей.

– Я принесла домой из школы один глиняный горшок. А на скрипке я играла месяц.

– Мы позаботились, чтобы ты получала все уроки, пятьдесят пенсов туда, пятьдесят сюда – а набирается ого-го! А у нас денежки не всегда были! Это папочка все, упокой, господи, его душу, не хотел, чтобы ты росла, чувствуя себя бедной, хотя мы-то были бедными. Но ты по-настоящему никогда не останавливалась на чем-то одном, вот я о чем говорю. Газон надо полить.

Полин неожиданно наклоняется, потом распрямляется с пучком травы в земле.

– Лондонская глина. Очень сухая. Вы, девчонки, конечно, все делаете иначе. Вы ждете, и ждете, и ждете. Хотя чего вы ждете – я не знаю.

Полин почти посинела от усилия, грива седых волос, прямых и влажных, обрамляла ее лицо. Матери волнуются, пытаются сказать что-то своим дочерям, но именно эта взволнованность и отталкивает дочерей, вынуждая их отдаляться. Матери остаются ни с чем, держат, как безумные, в руке комок лондонской глины, немного травы, клубни, одуванчик, жирного червя, пропускающего через себя мир.

– Фу. Слушай, ма, может, ты положишь этот комок?

Они сидят вместе на парковой скамье, которую Мишель нашел несколько лет назад. Кто-то оставил посреди дороги на Криклвуд-Бродвей. Невозмутимо, как тебе нравится! Стоит там посреди трафика! Она словно выросла из асфальта. Все машины ее объезжали. Мишель остановил свой «мини-метро», опустил спинки сидений, открыл багажник и засунул ее внутрь, а Полин помогала ему. Или мешала. И делалось все это под раздраженные гудки машин, проезжавших мимо. Когда они привезли скамью домой, на ней обнаружилась бирка Королевского парка. Полин называет ее троном. Давай чуток посидим на троне.

– Просто жарко было. Олив, иди сюда, девочка.

– Только ко мне пусть не приближается. Не хочу, чтобы у меня слезы из глаз текли! Она моя внучка. Единственная, что у меня будет, если дела и дальше будут идти так, как шли до сего дня. У меня аллергия на единственную внучку.

– Мама, хватит!

Они молча сидят на троне, смотрят в разные стороны. Проблема, видимо, состоит в двух разных представлениях о времени. Она знает, что в этот момент ее животная природа, вероятно, принимает решение. Может быть, она слишком долго пробыла городской лисой. Каждое новое появление – сообщения приходят, кажется, ежедневно – представляется ужасным предательством. Почему все не хотят сохранять хладнокровие? Она сама себя заставила сохранять хладнокровие, но земля от этого не перестала вращаться. И потом то, что происходит, направлено только на то, чтобы ужасным образом пресечь все возможности других вариантов, которые не происходят, а потому и тридцать семь, а потому и дверь открывается в тот момент, когда она там стоит, в руках у нее полно листовок, и Шар говорит: положи это, возьми меня за руку. Побежим? Ты готова? Побежим? Оставь все это! Станем бродягами. Будем спать под живыми изгородями. Пойдем вдоль железнодорожных путей, пока не выйдем к морю. Будем просыпаться с этими длинными черными волосами в глазах, во рту. Звонить домой из телефонных будок, которые по-прежнему берут два старых добрых пенса. Мы в порядке, не беспокойся. Я хочу сохранять хладнокровие и двигаться. Я хочу этой жизни и другой жизни. Не смотри на меня!

– и просто пытаюсь помочь, но я за это не получу никаких благодарностей. Не могу даже понять, ты меня слушаешь или нет. Как знаешь. Это твоя жизнь.

– А для чего тебе вообще эта святыня?

– А что ты вообще имеешь под этим в виду – святыня? Богородица? Ну, меня-то она ничуть не волнует. Она совершенно безопасна. На двери написано «англиканская», и англиканской она и была тысячу лет. Мне этого достаточно. Люди из колоний и все эти россияки, они суеверны, и их можно понять. Они пережили жуткие времена. Кто я такая, чтобы лишать людей утешения?

Полин устремляет взгляд в сторону их старого дома, где теперь обитают люди из колоний и все эти россияки. Сегодня, как и почти во все дни с тех времен, когда засветило солнце, громкоголосая девица вышла из дома, она препирается с тем, кто на другом конце ее беспроводного устройства. Ты меня не уважаешь? Не смей меня не уважать! Если про нее и можно еще что-то сказать, так это про ее безошибочно угадываемое ирландское происхождение. Узкий криминальный лоб, широко расставленные глаза. Для падших членов собственного племени у Полин припасено презрение особого рода.

– Таким, как она, даже Богородица не поможет. Ой, Эдвард[14 - Имя Эдвард имеет несколько укороченных вариантов, один из которых – Нед.], дорогой, привет.

– Рад вас видеть, миссис Х.

– И я рада. Как поживаешь, дорогой? Выглядишь неплохо с учетом всех обстоятельств. Травку уже перестал курить, надеюсь?

– Боюсь, что нет, боюсь, что нет. Нравится мне аромат.

– Он лишает тебя всех твоих честолюбивых стремлений.

– А у меня все равно только одно стремление.

– И какое же?

– Жениться на вас, конечно. Этого уж меня травка не может лишить, верно?

– Да ладно тебе.

Счастлива, правда, просто счастлива, солнце палит уже не так нещадно, синеет, устраивается полосками за аквамарином минарета, а неторопливый ветерок полощет на верхушке старого дома флаг святого Георга[15 - Имеется в виду британский национальный флаг.], закрепленный на спутниковой тарелке в преддверии футбольного матча. Может быть, не имеет никакого значения то, что жизнь никогда не расцветает во что-нибудь большее, чем она есть. Заякорена у берега, от которого отплыла, как когда-то были заякорены почти все женщины.

– Ли, детка, это твой телефон.

Нет, вы посмотрите: ограда справа почти полностью повалилась. Плющ оттуда проникает в зазоры и душит все, что пытается вырастить Мишель, кроме самой яблони, которая растет без посторонней помощи, несмотря ни на что. Она пишет в совет, но там ее не слушают, Нед никогда не пишет, Глория тоже, они живут совместно, но совместным мышлением обладает только она, господи боже, этот

несчастный бездомный червячок, побагровевший на солнце. Как крайняя плоть двигается туда-сюда, туда-сюда сам на себе. Никто меня не любит, все меня ненавидят, потому что я ползучий червь. Но это кто

этот голос

такой тихий

и такой яростный, прямо у нее в ухе, и она думает, что, вероятно, ослышалась, она думает, что, может, сходит с ума, она думает

– Простите?

– Ты меня слышишь? Не смей туда ходить.

– Простите. Откуда у вас этот номер?

– Эта девчонка – мое дело. А ты перестань туда ходить и засирать ей мозги. Ты меня поняла? Остерегайся меня. Я тебя знаю. Появишься еще раз – не поздоровится.

– Кто говорит?

– Лесбуха ебаная.

За неимением других занятий червяк складывается пополам. Плитка справа, плитка слева.

– и потом в «Паундленде»[16 - Название сети магазинов, в которых все товары прежде стоили один фунт, теперь цены выросли.] та же самая шкатулка – обрати внимание, тот же бренд – стоит всего два сорок девять! Но если ты покупаешь в таких местах, ты просто сама себя обманываешь, и больше тут говорить не о чем. Ли, детка? Ли? Ли? Кто это был? Кто звонил? Ты не заболела?

Честь жены нужно защитить. Это главное, объясняет он, ссылаясь на крупных обезьян, увиденных в каком-то документальном фильме. Самка обезьяны защищает обезьяньего младенца, а самец защищает самку. Мишель ужасно счастлив в своей ярости, их тянет друг к другу под ее – ярости – пологом. За много месяцев это лучшее время, какое они провели вместе. Она, зажавшись, сидит за кухонным столом, а он ходит туда-сюда, размахивает руками, как крупная обезьяна. Она тоже хорошая обезьяна, она хочет сделать свой взнос в великое счастье своей обезьяньей семьи. И именно это абсолютно достойное желание заставляет ее сказать:

– Пожалуй. Я думаю, это был он. По голосу трудно сказать. Слушай, с тех пор, когда я его знала, прошло почти двадцать лет. Но я бы сказала: да. Если ты спросишь меня, уверена ли я на сто процентов, то я не смогу сказать «да», но первая моя мысль была: да, это он, Натан.

В этом уголке С-З так мало событий. Когда случается драма, вполне естественно, что человек хочет вписаться в эту картину, прямо в самую ее середину. Это на него похоже. Очень похоже. Она говорит Мишелю. Она говорит Мишелю все, кроме одного слова.

20

На пути из сетевого супермаркета (где они закупаются, хотя его появление привело к закрытию местного продуктового магазина, и платят там мизерное жалованье) с новыми пакетами, хотя им следовало взять старые, с брокколи из Кении, томатами из Чили, отвратительным помойным кофе, какой-то сладкой дрянью и не той газетой.

Они низкопробные люди. В них даже нет той целостности, которая позволяет некоторым вообще не заморачиваться тем, что они низкопробные. Они все время заморачиваются. Они снова застряли где-то в середине. Они всегда покупают пино-гриджио или шардоне, потому что других слов применительно к вину они не знают. Они приглашены на обед, а если ты идешь на обед, то должен принести бутылку вина. Это они уже выучили. Они не покупают никакие дорогие вещи, потому что не могут себе этого позволить. Так заявляет Мишель, а Ли говорит: нет, не покупают они дорогие вещи, потому что не следует заморачиваться. Про себя она думает: ты хочешь быть богатым, как они, но не можешь заморачиваться их моральными ценностями, а меня больше интересуют

их моральные ценности, чем их деньги, и от этой мысли – от этой оппозиции – ей становится хорошо. Брак – это искусство оскорбительного сравнения. И, черт побери, вот он, в телефонной будке, и если бы она подумала хоть секунду, она никогда бы не сказала:

– Черт, вот он, в телефонной будке.

– Он?

– Да, но… нет, я не знаю. Нет. Я подумала. Не имеет значения. Забудь.

– Ли, ты только что сказала, что это он. Так он или не он?

Мишель очень быстро оказывается вне пределов слышимости и уже там напрашивается на другое оскорбительное сравнение: его компактная, с хорошими пропорциями фигура танцора против высокой, мускулистой угрозы, которая поворачивается и оказывается не Натаном, но точно другим парнем, которого она видела с Шар, а может, и не видела. Шапочка, куртка с капюшоном, заниженные джинсы, это униформа – так многие одеваются. С того места, где стоит Ли, это все равно немая сцена, жестикуляция и первобытные гримасы и, конечно, потенциально ужасная новость, которая объясняет все, кроме страданий и частностей: о том, что один юнец ударил ножом другого юнца на Килбурн-Хай-роуд. У них есть имена и возраст и, что ужасно печально, обвинение в том или ином деянии, что вовсе не повышает цены на недвижимость в районе. У Ли дыхание перехватило от страха. Она бросается бегом, чтобы вмешаться, Олив семенит рядом, а она, пока бежит, замечает кое-что, что не должно иметь значения: она выглядит старше, чем тот и другой. Хотя парнишка – всего лишь парнишка, а Мишель – мужчина, оба они кажутся ровесниками.

– Не знаю, о чем это ты, братишка, но не СОВЕТУЮ ТЕБЕ ГНАТЬ ВОЛНУ.

– Мишель, пожалуйста. Брось, пожалуйста.

– Скажи своему мужику, пусть отойдет от меня.

– Не смей больше мне звонить, понял? Оставь в покое мою жену! Ты меня понял?

– Ты что за хуйню несешь? Напрашиваешься, да?

Они, как петухи, наступают друг на друга, Мишель унизительным финтом вытолкнут на дорожку, он приземляется рядом со своей нелепой собачонкой, которая лижет ему ухо. И вот уже противник возвышается над ним, театрально заводит ногу, готовясь к пинку. Ли втискивается между ними, расставляет руки, чтобы разделить их, умоляющая женщина в древней истории.

– Мишель! Прекрати! Это не он… Прошу вас… это мой муж, он перепутал, пожалуйста, не бейте его, пожалуйста, оставьте нас, пожалуйста.

Безразличная нога заносится еще выше для более сильного удара. Ли начинает кричать. Краем глаза она видит, как молодая белая пара в костюмах переходит на другую сторону дороги, чтобы не сталкиваться с ними. Никто им не поможет. Она молитвенно складывает руки.

– Пожалуйста, оставьте его, пожалуйста. Я беременна, пожалуйста, оставьте нас.

Нога опускается. Над Мишелем, который пытается встать на ноги, появляется рука, сложенная пистолетом, и направленная на его голову.

– Погонишь на меня волну еще раз – ба-бах – и ты покойник.

– Пошел в жопу. Понял? Я тебя не боюсь!

В мгновение ока нога опять заводится назад и бьет Олив в живот. Собачонка отлетает на несколько ярдов в дверь кондитерского магазина. Она визжит так, как Ли еще не слышала.

– Олив!

– Тебе повезло, что твоя подружка за тебя заступилась, братишка. А то…

Он уже наполовину пересек улицу, откликается через плечо.

– Что «а то»? Трус долбаный! Пнул мою собаку! Я вызываю полицию!

– МИШЕЛЬ. Не ухудшай то, что и без того плохо.

Она прижимает руку к его груди. Любой прохожий сочтет, что она пытается его удержать. Только она знает, что на самом деле он не пытается оттолкнуть ее. Так двое мужчин расходятся, грубо ругая друг друга на ходу, лелея мысль, что это не конец, что в любой момент они могут развернуться и броситься друг на друга. Это всего лишь еще большее притворство: присутствие женщины освободило их от обязанностей.

21

Ли верит в объективность. Она немного успокоилась, они уже почти дома. Кто была эта женщина в момент кризиса, она вопила и рыдала, умоляла, стоя на коленях на улице? Глупо признавать, но она считала себя «храброй». Бойцом. Теперь она перешла в категорию переговорщиков, просителей, тактических лжецов, подателей прошений, ходатаев. Пожалуйста, не уничтожь то, что я люблю! И ее прошение было услышано, и в жертву пришлось принести меньшее, и в тот момент она была просто трогательно благодарна за уступку.

Да, потом она не сразу смогла взять себя в руки. Теперь Мишель нес Олив. Он уперся в их дверь, а Ли принялась искать ключ во всех пакетах и никак не могла найти.

– Как она?

– В порядке, если внутри ничего не повреждено. Мне так кажется, с ней все в порядке. Она в шоке.

– А как ты?

Ответ – на его лице. Унижение. Ярость. Конечно, мужчине труднее быть объективным. У них гордыня – как с ней справиться?

– Нед!

– Привет, ребята, все в порядке?

– Помоги Ли с пакетами.

Они идут на кухню и укладывают любимую собачонку в ее лежанку. Вид у нее нормальный. Покормить ее? Она ест. Кинуть мячик? Она бежит. Может, с ней все в порядке, но у людей в крови все еще адреналин, в душах – травмы, они пока не могут продолжать. Ли рассказывает Неду, что случилось, очищая историю от всякой ярости и унижения. Мишель – храбрец! Мишель – защитник. Она прикасается к руке мужа. Он сбрасывает ее пальцы.

– Ей пришлось притвориться, что она беременна. И он нас пожалел! Я лежал на земле как идиот.

– Ты не дал ситуации развиться в худшую сторону.

Она снова притрагивается к его руке. И на сей раз он ей позволяет.

– Ты думаешь, нам вечером не следует брать ее с собой? Я не знаю. Нед, мог бы ты приглядеть? Позвони, если будут какие проблемы? Или нам, может быть, стоит остаться. Отменить.

Обед, говорит Мишель, не думаю, что мы можем его отменить. С ней все в порядке. С тобой все в порядке, детка, правда? Все в порядке? Два человека заглядывают в собачьи глаза, ища в них подтверждения. Ли старается быть активной. Разве кто-нибудь из этих людей не сказал бы уже слово «ветеринар», если бы они не боялись расходов, которые повлечет за собой слово «ветеринар»?

22

Ханвелл никогда никого не приглашал на обед. И сам не ходил. Это неправда: в особых случаях он вел свою маленькую семью к «Виджею» на Уиллзден-лейн, где они садились за столик у дверей, быстро ели и осторожно разговаривали. Ничто в детстве Ли не приготовило ее к постоянным посещениям обедов, чаще всего в доме Натали, где они с Мишелем создают что-то вроде местного колорита. Никто из них не знает, что нужно говорить адвокатам и банкирам, время от времени – судье. Натали не может поверить, насколько они застенчивы. Каждый раз она винит место, куда их посадили, но каждый раз

остается неловкость. Они застенчивы, верит в это Натали или нет. Они не понимают концепции анекдота. Они смотрят в свои тарелки, аккуратно нарезают еду, позволяя Натали рассказывать за них их истории, кивают в подтверждение фактов, имен, времени, места. Предложенные к столу на всеобщее препарирование, эти анекдоты начинают жить собственной жизнью, отдельной и впечатляющей.

– Или просто убежать. Я бы понеслась, как какой-нибудь долбаный ветер, и гори оно все огнем. Без обид, Мишель. Ты очень храбрый.

– А потом вы просто разошлись в разные стороны? «Спасибо. Я сегодня был вашим потенциальным убийцей, а теперь мне пора…»

– Ха!

– «У меня на весь день запланированы ограбления, на которые я должен явиться с муляжом пистолета».

– Ха!

– Передай-ка мне сальсу. Думаешь, если сложить пальцы пистолетом, то это значит, что у тебя и в самом деле есть пистолет? Думаю, рецессия на всех сказывается… почему гангстеры должны не быть к ней невосприимчивыми? Вот, смотри, у меня тоже есть. Ба-бах!

– Ха! Ха!

– Постой. Только извини, ты что, беременна?

Двенадцать человек за длинным дубовым столом Нат говорят, смеются и смотрят, как Ли борется с утиной грудкой.

– Нет.

– Нет, понимаете, просто то, что она сказала, его остановило.

– Очень храбрая. Быстро соображает.

Версия истории, случившейся с Ли и Мишелем, в изложении Натали закончилась. Эстафетная палочка в разговоре передается другим, которые рассказывают анекдоты с бо?льшим щегольством, привязывают их к широкому культурному контексту, к газетной полемике. Ли пытается объяснить, чем она зарабатывает на жизнь кому-то, кого это ничуть не интересует. Шпинат доставили на стол прямо с фермы. Все на мгновение соглашаются в том, что технологии – зло, настоящая катастрофа, в особенности для тинейджеров, но у большинства рядом с тарелками лежат телефоны. Передайте морковку с маслом. Родители тем временем постарели, обзавелись болезнями – именно в тот момент, когда дети собираются обзавестись собственными детьми. Многие родители – иммигранты, с Ямайки, из Ирландии, из Индии, из Китая, и они не могут понять, почему дети еще не пригласили их к себе жить, как это принято в родных странах. Вместо выполнения этой невозможной просьбы им предлагают технологии. Лестничный подъемник для инвалидов. Кардиостимуляторы. Протезы тазобедренных суставов. Аппараты для диализа. Но родители ничему не рады. Они много работали, чтобы их дети могли жить так, как живут. Они «буквально» не будут счастливы, пока не переедут в наши дома. Передайте салат из помидоров. Вот что важно в исламе. Давайте я вам расскажу про ислам. О том, что именно неправильно в исламе. Все вдруг стали специалистами по исламу. Но, как вы думаете, Самхита, да, что вы думаете, Самхита, что вы об этом скажете? Самхита, адвокат по авторскому праву. Передайте тунца. По столу передаются технологии, стратегии. Частные больницы. Частные кинотеатры. Рождество на борту. Ресторан всего с пятью столиками. Ограды. Полноприводная тачка, которая позволяет тебе доминировать на дороге. Где-то есть идеальная изоляция, и вы можете ее добиться, хотя стоить это будет немало. Но, Ли, говорит кто-то, но, Ли, в конечном счете, в конце дня, разве вы не хотите обеспечить своему индивидуальному ребенку наилучшие возможности, которые можно дать им индивидуально? Передайте горошек с чищеным миндалем. Дайте определение слову «наилучшие»? Передайте лимонный пирог. То, что дает ребенку самые высокие шансы на успех. Передайте ягоды. Дайте определение слову «успех». Передайте cr?me fra?che[17 - Сметана (фр.).]. Вы полагаете, что разница между вами и мной в том, что вы хотите дать своему ребенку наилучшие возможности. Передайте десертную ложку. В этом и состоит задача хозяйки, чтобы сглаживать противоречия. Зачем спорить о том, кто еще не родился? Я знаю одно: мне не нравится, когда что-то размером с арбуз протискивается через что-то размером с лимон. Медсестра, принесите лекарства! А вы не думали рожать в воде? Все говорят одно, и то же и все одинаково. Разговоры, приправленные ужасом. Плененные животные, размышляющие, не вернуться ли им на природу. Натали безмятежна, она уже побывала на другой стороне. Передайте ноутбук. Вы должны это увидеть, всего

две минуты – это что-то.

Нехватка воды. Пищевые войны. Штамм A(H

N

). Манхэттен съезжает в море. Англия замерзает. Иран нажимает кнопку. Торнадо проходит по Кенсал-Райз[18 - Кенсал-Райз, или Кенсал-Грин – район в Северо-Западном Лондоне.]. Вероятно, есть что-то привлекательное в концепции апокалипсиса. Городские районы превратились в зоны поиска еды в мусорных кучах. Организация школ в заброшенных супермаркетах и церквях. Новые группировки, новые связи, множество половых партнеров, дети, свободные от этой идиотской родительской опеки. На каждом перекрестке слышится музыка, доносящаяся из гигантских, сооруженных наспех звуковых систем. Люди идут в огромных безликих толпах, без вождей, они двигаются как волны, накатывающие на берег, в масках, ищут еду, оружие. «Взбунтовавшийся» Колдвелл в воскресенье, когда бегают по всем улицам стаями, звонят в каждый звонок.

Вот были деньки. Правда, Ли? Да, было времечко. Передайте виски. Потому что это поверхностное сравнение: нельзя нести ответственность за сложные экономические явления в той же степени, в какой несет ответственность человек, выходящий на улицу с целью грабежа. Передайте кофе. Это не какой-нибудь кофе, это чрезвычайно хороший кофе.

– Это такое разочарование.

– Это так разочаровывает.

– Особенно если ты приложил в ущерб себе некоторые усилия, чтобы кому-то помочь, а тебе это предъявляют как обвинение. Вот что невыносимо. Как то, что случилось с Ли – Ли, расскажи им про девушку.

– Про кого?

– Девушка в косынке. Которая пришла к твоей двери. Это и вправду печальная история. Хорошо: я расскажу…

И только когда все расцеловались в обе щеки, когда тяжелая входная дверь закрывается, когда их снова выпустили в ночь, Ли и Мишель оживают. Но даже это дружество презрения может быстро рассыпаться на части. Когда они добираются до входа в метро, Ли уже успевает чересчур много наговорить, чересчур наплакаться, и их хрупкий эфемерный контакт, их «мы против них» нарушается, и возникают разногласия.

– Ты не думаешь, что их одолевает такая же скука, что и тебя? Ты думаешь, что ты какой-то особенный? Думаешь, я просыпаюсь каждый день и радуюсь, что увижу тебя? Ты сноб, только вверх тормашками. Ты думаешь, что ты единственный, кто хочет чего-то другого? Другой жизни?

Они едут домой в яростном молчании. Молча идут по Уиллздену. Молча подходят к двери, одновременно достают свои ключи. Начинают комическую схватку за замочную скважину, и проигрывает Ли. Войдя в коридор, оба уже смеются, а еще немного времени спустя целуются. Если бы только они все время могли оставаться вдвоем. Если бы мир был справедливым, говорит Ли, мы бы всегда были счастливы. Ты рассуждаешь, как они, говорит Мишель, и засовывает язык в ухо жены.

На следующее утро они приходят на кухню расслабленные, в футболках и трусах, и погружаются в бескрайнее пространство субботнего утра. Ли идет проверить почту. Она первая замечает ее. Невинный, любимый зверек, холодный, еще не окоченевший, лежит на боку далеко от своей лежанки, под столом в кладовке. Вокруг рта – кровавая пена. Мишель! Мишель! У нее не получается достаточно громко. Или же он вышел в сад, восхищается деревом. Раздается звонок. Это Полин. Олив умерла! Она умерла! Боже мой! Умерла. Где? Говорит Полин. Покажи мне. В ней говорит медсестра. А когда приходит Мишель и с ним тоже начинается истерика, почти такая же, как у Ли, она удивлена, насколько благодарна практическому подходу матери к жизни. Ли хочет плакать, только плакать. Мишель хочет снова и снова перебирать события. Он хочет найти точку невозврата, словно это может что-нибудь изменить. Полин хочет убедиться, что пространство под столом обработано антисептиком и коробка из-под обуви зарыта в землю не меньше, чем на фут. Спрашивать остальных не имеет смысла, говорит Полин, имея в виду остальных съемщиков, они могут ответить только одно: нет. Теперь поторопитесь, говорит она,

постарайтесь собраться. Нам нужно покончить с этим. Выпейте чаю. Успокойтесь. Она спрашивает: вам не пришло в голову, почему она не лаяла, когда вы пришли?

23

Можно сказать, что одна мечта Мишеля сбылась: они поднялись на одну ступеньку, по крайней мере, в смысле качества и утонченности их страха. Ли, естественно, обвиняет в этом Мишеля – не свойственная им прежде осторожность, новый замок от «Чабб»[19 - Международная страховая корпорация, имеет подразделения в 54 странах.], то, что он теперь забирает ее со станции, то, как они переходят на другую сторону улицу, чтобы не сталкиваться с «определенными элементами», и постоянно разговаривают о переезде. Мишель дольше засиживается за компьютером, мечтая о неожиданном везении, которое перенесет их в другой пригород, больше отвечающий его вкусу, то есть в большей степени африканский и в меньшей – карибский. Ли это никак не комментирует. Она погружена в себя. Июль – потерянный месяц. Она позволяет случиться маленьким изменениям, там, на поверхности, тогда как сама идет по дну океана. Она в ужасном трауре. Она незнакома с правилами оплакивания животных. Для кота – одна неделя. Для собаки – две приемлемы, три уже будет выглядеть нелепо, в особенности в офисе, где – в карибском духе – все животные меньше осла считаются паразитами. Она оплакивает свою собаку. По правде говоря, она думает, что печаль может убить ее. При виде одной из множества близняшек Олив, плетущейся по Эджвер-роуд и страдающей от жары, она чувствует себя совершенно сломленной. На работе Адина приглядывается к ее опухшему заплаканному лицу. Неужели все еще собака? Все еще? И если даже на самом деле это ложное сознание, если Ли оплакивает кого-то другого, не собаку, для самой Ли нет никакой разницы: она знала Олив, и тоскует она по Олив. Ли превратилась в сумасшедшую, которая останавливает владельцев других собак на улице и рассказывает им свою горькую историю.

Возвращаясь после учебы в Харлсдене, она ловит себя на том, что потерялась в проулках. Наугад делает несколько левых поворотов, чтобы только не останавливаться, оторваться от определенно не представляющего никакой опасности человека в капюшоне, и наконец опять появляется та маленькая церквушка, часы которой отбивают шесть. Она входит. Полчаса спустя выходит. Она не говорит об этом Мишелю, вообще никому. Она начинает заходить сюда чуть не каждый день. В конце июля Мишель настаивает: они должны двигаться

дальше. Ли соглашается. Они в листе ожидания национальной службы здравоохранения. Но каждое утро она запирается в ванной и принимает таблетку. Украденные из ванной Натали коробочки спрятаны в ящике. Она не хочет «двигаться дальше». Потому что, на ее взгляд, это никакое не дальше. Она хочет, чтобы он и она оставались навечно.

Наступает август.

Наступает август.

Карнавал! Девочки с работы, мальчики из салона, старые школьные друзья, родственники Мишеля из Южного Лондона – все идут по улице с миллионом других. Ищут хорошие аудиосистемы, чуть не сплетаются телами друг с другом и с совершенно незнакомыми людьми, едят вяленое мясо и в конце концов падают, обкуренные, на траву в «Минвайл-Гарденс». Обычно. Но не в этом году. В этом году они все же приняли ежегодное приглашение Фрэнка к другу, из комнаты которого «прекрасный вид на карнавальное шествие». Он итальянец. Они появляются рано воскресным утром, как и приглашали, чтобы приехать, пока не перекроют улицы. Они чувствуют себя глуповато, бродя по пустой квартире людей, которых они не знают. Никаких следов Фрэнка или Нат. Мишель отправляется на кухню помочь. Ли принимает ром и колу и садится в углу на стул. Смотрит в окно, видит, как полиция выстраивается вдоль ограждений. В углу бормочет телевизор. Он говорит уже давно, но Ли замечает это лишь потому, что там называют местную улицу в одном квартале от их дома.

– на Альберт-роуд, в Килбурне, где надежды вчерашнего вечера на мирный карнавальный уик-энд были испорчены сообщениями о поножовщине со смертельным исходом, здесь, на границе карнавального маршрута по Северо-Западному Лондону, когда люди готовились к сегодняшнему празднику…

– Альберт-роуд! – кричит Мишель с кухни. Ли кричит в ответ:

ДА, НО ЭТО НЕ ИМЕЕТ НИКАКОГО ОТНОШЕНИЯ К КАРНАВАЛУ – ЭТО СЛУЧИЛОСЬ ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ. ЭТО ПРОСТО…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

В английском оригинале здесь обыгрывается омофония слова sole («единственный»), которое имеет еще значение «подошва», кроме того, по звучанию с sole совпадает и другое слово – soul («душа»).

2

Презрительное выражение, применяется к чернокожему, который ведет себя как белый.

3

Мы общество сбережения прошлого (англ. We are the village green preservation society, дословно: «Мы общество сбережения деревенской площади» – где «деревенская площадь», согласно английской традиции, – зеленая площадь в центре деревни, общественное место, где собираются в праздники, отмечают всевозможные события, в данном случае понятие используется метафорически) – название известной песни группы «Кинкс». «Господь, сохрани лавочки, фарфоровые чашечки и девственность!» – цитата из песни.

4

Этот пассаж наполнен скрытыми цитатами из разных песен, так, слова о Фулхам-Бродвей, Голдерс-Грин – цитаты из песни группы «Кинкс» «Уиллзден-Грин».

5

Название залива в Северном море, на побережье которого расположена столица Шотладнии Эдинбург.

6

То есть произнося слова без звука, обозначаемого буквой h.

7

«Кокон» (1985) – фантастический фильм режиссера Рона Ховарда.

8

Имеется в виду Диана Арбус (1923–1971) – американский фотограф, один из столпов документальной фотографии.

9

Морин Хоменик – знаменитый американский повар, которая предлагает множество рецептов своим зрителям и пользуется популярностью не только в Америке.

10

Действие романа Уилки Коллинза «Женщина в белом» начинается в лондонском предместье – Хэмпстеде. Джек Шеппард (1702–1724) – английский разбойник, грабитель и вор начала XVIII века, живший и действовавший в Лондоне.

11

Брауни – детская организация для девочек от 7 до 10 лет.

12

Имеется в виду Сент-Лу-стрит в Северо-Западном Лондоне.

13

Заведения быстрого питания в США и Великобритании, специализируются на блюдах из курицы, часто принадлежат выходцам из Афганистана.

14

Имя Эдвард имеет несколько укороченных вариантов, один из которых – Нед.

15

Имеется в виду британский национальный флаг.

16

Название сети магазинов, в которых все товары прежде стоили один фунт, теперь цены выросли.

17

Сметана (фр.).

18

Кенсал-Райз, или Кенсал-Грин – район в Северо-Западном Лондоне.

19

Международная страховая корпорация, имеет подразделения в 54 странах.

Купить: https://tellnovel.com/smit_zedi/severo-zapad

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити